

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Валин

ВЫЙТИ ИЗ БОЯ

Контрудар из будущего

Выйти из боя

Юрий Валин

**Выйти из боя.
Контрудар из будущего**

«Автор»

2010

Валин Ю. П.

Выйти из боя. Контрудар из будущего / Ю. П. Валин — «Автор», 2010 — (Выйти из боя)

Говорят, «генералы всегда готовятся к предыдущей войне». Но что, если бы и впрямь имелась возможность переиграть любое сражение прошлого? Что, если в Главном Разведывательном Управлении современной Российской Армии существует сверхсекретный отдел «К», отрабатывающий в параллельных мирах методы «коррекции истории»? Куда эти «корректировщики» десантируются в первую очередь? Разумеется, в июнь 1941 года – чтобы предотвратить Великую Отечественную катастрофу и разгром Красной Армии!.. Культовый роман автора бестселлеров «Самый младший лейтенант», «Самый старший лейтенант» и «Мы одной крови!». Контрудар из будущего должен сорвать планы Вермахта и переломить ход войны. Вот только стоит ли рисковать жизнью в параллельном мире, если это ничего не изменит в нашей реальности?.. Пусть у истории бесконечное множество вариантов – Родина у нас одна!

© Валин Ю. П., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть первая Июнь	5
1	5
2	15
3	23
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Валин

Выйти из боя. Контрудар из будущего

Автор убедительно просит считать все совпадения личных имен, географических названий и исторических событий не более чем случайностью.

Часть первая Июнь

1

В один из солнечных, но прохладных дней начала лета из стеклянных дверей международного аэропорта под малопочетным номером «Ш-2» вышла высокая девушка. Двери за ее спиной с шорохом сдвинулись, отрезая путь немедленного отступления из дикой, наполовину азиатской страны. Оторваться от благовоспитанной Европы молодая пришельница не боялась. Старую добрую Европу девушка откровенно не любила, а здешний запах уже под-запылившейся зелени и плохо отрегулированных автобусных двигателей был все-таки не чужим для нее.

Девушка, щурясь, посмотрела на раннее солнце и вынула из рюкзака темные очки.

Поджидающие клиентов бомбилы переглянулись. Опыт подсказывал, что короткостриженная блондинка не попадает ни под одну из категорий, способных выложить 100–150 зеленых за счастливую возможность с ветерком долететь до центра мегаполиса. Вообще-то таких красоток обязаны встречать. Правда, ни чемоданов, ни сумок молодая особа при себе не имела. То-то и таможенный контроль прошла быстрее всех. Значит, все-таки иностранка.

– Такси, мисс? Недорого... – произношение у труженика баранки было отнюдь не оксфордским, но понять можно.

Девушка задумчиво оглядела водителя, крутящего на пальце связку ключей с брелком, напоминающим кистень среднего размера.

– В какой отель прикажете, фройлян? – проявил знание немецкого языка таксист.

Девушка с кожей цвета странного лимонного загара неопределенно улыбнулась.

Водитель повернулся за помощью к коллегам. Те вяло приблизились. Ничего с этой туристки не заработаешь. Что за привычка с грошами по чужим странам шляться? Но поболтать хотелось. Такую «соску» не каждый день увидишь. Ляжки в джинсах, а куда там мини-юбкам, – глянешь, слюни так и капаят. Может, ее все-таки встречать должны? На модельку не похожа – те плоские и на рожу, если без макияжной краски, стертые. Актриса?

– В город, сеньорита? Поедем недорого. Безопасно, сеньорита, – изрек на языке Сервантеса извозчик в белом джинсовом костюме.

Девушка улыбнулась.

– Не напрягайтесь, уважаемые. Мне на автобус, сеньоры командиры...

Мужчины проводили взглядами стройную фигуру. Наверное, все-таки нерусская. Из прибалтиек, что ли? Или из тех – потомков «первой волны»? Много сейчас княгинь липовых развелось.

За долгий день парень в белом костюме еще не раз вспомнил красивую незнакомку. Ползущие вверх цены на бензин, пробки на Сушевке и Третьем кольце, клиент, забывший недорогой мобильный, – все за этот день не вызвало эмоций. Вот, блин, бывают же такие красивые девки?! И почему тебе всегда крысы попадаются? Не внешне, так внутри, точно швабры натуральные. Дворянок поискать, что ли?

В начале третьего ночи парень утешился, сняв двух хохлушек на Ленинградском.

* * *

Катрин остановилась в средненькой гостинице на проспекте Мира. Всезнающий Интернет рекомендовал пристанище как центр молодежного туризма. По коридорам действительно шлялись группки каких-то неопределенных типов в широких штанах и мятых ветровках. В самой Европе такие экземпляры встречались почему-то значительно реже. Должно быть, в основном разъезжали по миру. Катрин сомневалась, что сможет вписаться в это глуповато-доброжелательное сообщество тусовщиков. Впрочем, девушка не собиралась здесь надолго задерживаться.

Город произвел на нее гнетущее впечатление. Бьющее в глаза обилие средств, потраченных на реконструкцию, иллюминацию и украшение столицы, подчеркивало непоправимую скорбность произошедшего. Дорогостоящий, второпях наложенный грим на лицо то ли умирающего, то ли уже испутившего дух существа. Людная Тверская. Манежная площадь, похожая на украшенный фонарями, незастроенный фундамент. Странные статуи у Александровского сада, куца псевдоречка. Все походило на декорации старых черно-белых фильмов из жизни злобных дореволюционных угнетателей. Правда, цокающих языком от восхищения гуляк-купцов и заводчиков вокруг не было видно. Бродил нормальный народ, невзирая на запрет, сосал из бутылок пиво и, по-видимому, не обращал внимания на нелепость интерьера.

Катрин смотрела на все как будто впервые. Она хорошо знала город. Тот, старый настоящий город, ребра и позвонки которого еще проглядывали сквозь дорогую тротуарную плитку, «старинные» пластиковые фонари и вездесущие кляксы реклам.

Что умерло, то умерло.

Девушка дошла до Большого моста, посмотрела на о-очень большой храм. Идти дальше, к местам детства, расхотелось. Катрин вернулась к метро. Завтра будет тяжелый день.

Родители... Катрин ничего не могла с собой поделать – они теперь были чужими. Наверное, истинной близости никогда и не было. Но за эти годы скитаний, одиночества и встреч с самыми разными людьми и нелюдьми Катрин поняла, что причина не только в ее детской, юношеской, а теперь уже и не юношеской черствости. Чувство отчуждения всегда оставалось обоюдным. Двадцать один год назад ребенка сделали по обязанности. Потом ребенок по обязанности старался уважать и слушаться породивших его. Ничего хорошего из обязанностей, помноженных на обязанности, получиться не могло.

Вот и не получилось.

Отца Катрин помнила в основном по запаху душистого трубочного табака. Отец почти не курил, но считал, что мужчина должен благоухать определенными солидными ароматами, непременно происхождением с Туманного Альбиона. Может быть, но засыпать в карманы пиджаков аккуратно отмеренные щепотки «благовоний» – довольно смешно. Впрочем, Катрин, наверное, была несправедлива. Отец постоянно пребывал в министерстве или в коман-

дировке. С задачей обеспечить семью материально он хотя и без воодушевления, но справлялся. И если бы на месте Катрин была любая другая Маша или Даша, Григорий Андреевич так же аккуратно спрашивал бы ее о делах в школе и так же размеренно, не щедро и не скупое, выдавал карманные деньги.

Вычитанную из хорошо изданных переводных книг педагогическую заботу мамы Катрин помнила намного лучше. Виктория Игоревна излишне пристально разглядывала себя со стороны. Она любила производить впечатление на мужчин и умела это делать. Только связать собственную привлекательность и принципы Макаренко в юбке не получалось даже у нее. Когда визг, истерики и попытки маман применить изощренные теории Фрейда, Юнга и Бердяева перестали производить впечатление на малолетнюю жертву, сама Катрин уже и не могла вспомнить. Должно быть, еще в первых классах школы. Девочке хватало и тупого педагогического прессинга в элитной спецшколе. Упрямства Катрин всегда было не занимать. Очень скоро Виктория Игоревна прониклась к наследнице презрительным пренебрежением. Диагноз «папина дочка» был вынесен раз и навсегда. Нет, нерегулярные вспышки бурных эмоций продолжались. Но это была уже даже не дань чувству долга, а так – следствие дурного настроения. Имея в виду себя, Виктория Игоревна всегда считала, что люди должны быть благодарны за возможность общаться с такой незаурядной женщиной, и у дочери нет ни малейших оснований считать себя исключением.

По прошествии лет Катрин поняла, что из мамы получилась бы исключительно талантливая mistress¹. Стоило бы попробовать, только при чем здесь родная дочь?

...Катрин сидела в своем номере, пила минеральную воду, в которой не было ничего минерального, смотрела на лихорадочные огни города за окном. Родителей не выбирают. И когда родители не интересуются тобой долгие годы, с этим ничего не поделаешь. Может быть, нельзя назвать два года и два месяца «долгими годами», но Катрин успела прожить за это время несколько жизней. И за все это время родителям и в голову не пришло начать поиски.

Ну и фиг с ними! Тебя и так очень многие ищут. Хорошо хоть не под руководством Интерпола.

...Серое столичное небо начало сереть, огни гаснуть, а девушка все еще сидела, положив ноги на подоконник. Тяга к алкоголю давно прошла, в груди привычно пригрелась тоска, похожая на большого серого кота.

...Субботный день почти обезлюдил утренние улицы. Катрин спустилась в просторное метро, ехала, привычно пересаживаясь с линии на линию. Переходы и эскалаторы не забылись. Сонные и бодрые лица, купленные на дешевом оптовом рынке цветы, по раннему времени еще не ставшие по-настоящему плотоядными мужские взгляды. Под землей город почти не изменился, разве что на саму Катрин теперь обращали больше внимания. Видно, потеряла девушка за прошедшее время столичную заурядность. А может быть, просто так глазели, по субботам народ газеты читал неохотно, да и к сражениям с кроссвордами сонные мозги горожан еще не отобилизовались.

Поезд остановился на стеклянном мосту. Зашипели двери, выпуская на платформу одиноких пассажиров. Катрин невольно окинула взглядом открывшуюся с длинного моста панораму. Город был залит солнечным светом. Торчали башни и башенки. Кроме привычной с детства башни университета, появился десяток разнокалиберных небоскребов, торчащих из тела города искусственно выращенными папилломами. Над самой плоской горой столицы вознесся тупой штык с пришипленным ангелом. Катрин, как и все жертвы школьного образования, относилась к Великой войне без особого интереса. Но вряд ли память о погибших миллионах стоило воплощать в столь непродуманном монументе.

¹ Доминирующая женщина. Сленговый термин садомазохистов.

Эх, город, город, куда ты делся?!

Катрин вышла из метро, прошла сквозь оранжевую стайку коммунальщиков-таджиков. Здесь уже открылись магазины, жизнь начинала бурлить. Девушка с трудом нашла нужную остановку, зато автобус подкатил сразу.

Бело-красная двадцатипятиэтажная громадина гордо возвышалась на изрытом гаражами и автостоянками холме. Престижный район, никаких тебе «хрущевок», девятиэтажек, о дореволюционных домах и домишках, среди которых прошло детство, и речи нет. Роскошный вид на реку. Никем не засиженное место. И неуютное.

Катрин помедлила. Внутри подъезда сидела консьержка. Едва ли она узнала бы девушку, но пропустить, наверное, пропустила бы. Только стоит ли так являться, как снег за шиворот? Где ключи твои остались, бродяжка-блондинка?

Девушка опустилась на пестро покрашенную лавочку. Идти не хотелось. Не манит тебя родной дом. Да и какой он родной?

Вспомнились стены и башни на другом холме. Ветер с гор, блеск реки. Катрин зажмурилась, сжала кулак. Широкий браслет врезался в запястье. Королевское украшение было надето сегодня специально. Девушке нужна уверенность.

Веришь амулетам, дура?

Вроде бы помогло. Катрин встала, решительно набрала код домофона.

Никто не подходил. Потом ответил незнакомый мужской голос:

– Да?

Катрин несколько опешила, но напористо потребовала:

– 43-я квартира? Я могу поговорить с Григорием Андреевичем или с Викторией Игоревной?

Домофон в замешательстве пошипел и осведомился:

– А что вы хотели? По поводу чего?

– По поводу войти и поздороваться. Я, между прочим, прописана здесь. Была по крайней мере...

Динамик пораженно задумался, потом промычал:

– Да-да, входите, пожалуйста...

Катрин по-хозяйски прошла мимо заерзавшей за стеклянной перегородкой консьержки. Подъезд был все тот же, просторный и пустой, вот только запах новостройки повыветрился.

Металлическая дверь на лестничную клетку оказалась незапертой. Катрин шагнула внутрь. Мать встретила ее в холле. На Виктории Игоревне был элегантный черный костюм со свободного покроя брюками и туфли на шпильках. Некоторое смятение и спешку выдавала только не доведенная до идеального порядка прическа. Надо признать, годы пока не могли справиться с холеной красотой профессиональной домохозяйки. Скорее, наоборот – мама похорошела.

– Здравствуй, Катя, – Виктория Игоревна окинула дочь коротким цепким взглядом. – Хорошо ли добралась?

– Здравствуй, мама. Добралась без проблем. Автобусы сейчас ходят как часы.

Виктория Игоревна кивнула.

– Еще бы. Только это и радует.

За последние годы Виктория Игоревна явно стала сдержаннее в проявлении эмоций, но Катрин слишком хорошо знала маму, чтобы не уловить скрытое презрение. Кроссовки, автобус, вульгарная футболка – фу, дочь, повзрослев, так и не стала дамой.

– Проходи, Катя.

– Спасибо, мама, – девушка скинула кроссовки.

В дверях кухни мялся высокий молодой мужчина в светлых джинсах и белой сорочке.

– Это Виталий, – кратко отрекомендовала мама. – Пойдем в комнату.

Сорочка у Виталия была застегнута не на ту пуговицу, но подобные щекотливые подробности уже давно не заставляли краснеть молодую гостью.

Девушка села в кресло. За эти два года итальянская мебель не стала удобнее.

Виктория Игоревна опустила в кресло напротив дочери.

Как, оказывается, просто обо всем догадаться, когда давно знаешь человека. Мама еще только укладывала узкие кисти на коленях, а Катрин уже знала, что она сейчас скажет.

– Катя, я знаю, как это ужасно для тебя прозвучит, но твой папа покинул наш мир.

Кажется, губы девушки все-таки дернулись.

Виктория Игоревна продолжала, чуть добавив в голос тщательно отмеренной скорби:

– Бедный Григорий. Это случилось прямо в рабочем кабинете. Инфаркт, «Скорая», конечно, не успела.

Катрин прикрыла глаза. Не надо. Не надо смотреть с таким любопытством, когда сообщаяш дочери о смерти отца.

– Это случилось год назад. Так неожиданно. Я была просто раздавлена. Уничтожена.

Катрин открыла глаза, прямо посмотрела на чужую красивую женщину. Слез ты не дождешься. Твоя дочь провела два года не в Санта-Барбаре.

– Он не мучился? Раз это было быстро, – голос девушки звучал чуть хрипловато, только и всего.

Виктория Игоревна откинулась в кресле.

– Станный вопрос. Разве смерть может быть легкой и без мучений? Ты все витаешь в облаках. Жизнь жестока. Ты никак не хочешь взрослеть, Катя.

– Куда торопиться? К инфаркту? Все там будем.

– У женщин вероятность инфаркта гораздо ниже, – поспешно возразила Виктория Игоревна. – Ты не знаешь...

– Конечно, знаю. Зато у нас чаще бывает рак матки, – согласилась Катрин.

Мать, совсем как раньше, поджала накрашенные губы.

– Ты по-прежнему груба, Екатерина. Я надеялась, что жизнь за границей хоть немного исправит твои манеры.

– Извини, – Катрин с трудом выговорила, – мама. Я хотела увидеть папу.

– Да, конечно. Что делать – судьба. Мне кажется, его подкосило твое исчезновение. Ты вышла замуж? Могла бы написать.

– Я не могла писать. Было слишком много работы. Меня никто не спрашивал?

Виктория Игоревна раздраженно шевельнула рукой.

– Несколько раз звонили твои однокурсники. Удивлялись, куда ты пропала. Как будто сами не поняли. Прислали из института письмо. Там у отца в бумагах лежит, я их в кладовку убрала. Несколько раз навещал какой-то странный тип. Я даже забеспокоилась. Нам только «братков» дома не хватало. Да, зимой звонил господин Загнер. Весьма воспитанный мужчина. Хотел передать тебе с оказией какой-то пакет. Я была вынуждена отказать, – ведь от тебя вестей так и не приходило. Ты всегда вела себя крайне непредусмотрительно. Ты думаешь восстановиться в институте?

– Вряд ли, – Катрин хотелось пойти в кабинет отца. Может быть, он сидит там и читает газету? Его и раньше по выходным было не видно и не слышно.

– Где похоронили папу?

– На Мамоновском. По Каширскому шоссе. Твой отец ведь на Даниловском рядом с матерью себе место не догадался приготовить. А сейчас там цены – квартиру продать, все равно не хватит. Кстати, мы тебя выписали. С пропиской в ДЭЗе сейчас строго. Разгул терроризма, распустили страну...

– Не страшно. Я ненадолго. Ты, мама, не говори, что я приходила, а то с ДЭЗом проблемы будут. Я скоро уеду.

– Я так и думала, – с облегчением проронила Виктория Игоревна. – Может быть, кофе выпьем?

Кофе сварил Виталий. Уйма достоинств у мужчины: и собой хорош, и руки сильные, и рецепты экзотические знает. Вот только этот ароматный напиток Катрин никогда не любила. Виктория Игоревна рассказывала о столичной жизни, в основном возмущалась жилищно-коммунальными реформами. Сразу видно – за квартиру несчастной вдове самой платить приходится.

Вот так бывает: умрет человек, а две самые близкие ему женщины сидят и думают о совершенно посторонних вещах. Одна пинает каблуками полумифического рыжего энергетика, другая давится густым напитком и мечтает о глоточке крепкого и прозрачного, градусов под пятьдесят. И только парень, занявший место покойного хозяина, ведет себя почти прилично. Варит новую порцию отравы и лишь украдкой косится на грудь внезапно объявившейся «падчерицы».

– Пойду я, – устало проговорила Катрин. – Дел много.

Мама любезно предложила еще чашечку кофе.

Катрин вышла на лестницу, спустилась на несколько пролетов вниз и села на холодные ступеньки. Из-за глухих сейфовых дверей квартир не доносилось ни звука. Разъехались по дачам, а может быть, тоже умерли. Даже лифтов не слышно.

Наличных оставалось достаточно. Деньги в родном городе тратились с трудом. Катрин поймала такси. У Кольцевой дороги остановились. Джина в магазинчике не было, в русских водках Катрин не разбиралась. Взяла «Столичную», запаянные в пленку колечки колбаски и конфет. Рюкзак сразу потяжелел. В цветочной палатке купила гвоздики.

Когда такси свернуло с шоссе, водителю пришлось петлять и десять раз переспрашивать у редких прохожих дорогу. Гвоздики на коленях Катрин почему-то пахли уксусом. Проехали дачный поселок, выбрались в неожиданно пустынные поля. Девушка увидела маковку деревянной церкви.

Из распахнутых ворот кладбища вышли три собаки. Младший песик, вислоухий подросток, радостно затрусил навстречу. Катрин выделила ему конфету.

Могила девушка нашла быстро. Некрашенная оградка успела взяться ржавчиной. Катрин повесила рюкзак, присела на корточки и скрутила с бутылки крышку. Стаканчик сдуру взяла только один. Девушка плеснула в него водки, положила сверху конфету, поставила у деревянного креста. Ирония судьбы – отец терпеть не мог национальный напиток. Пил только на обязательных фуршетах и прочих официально-алкогольных мероприятиях.

Катрин глотала из горлышка, закусывала похожей на папье-маше колбасой. Водка, гадостная и теплая, не брала, только щеки становились влажными. Девушка вытирала лицо футболкой, жевала конфеты. «Белочка» и «Трюфеля» остались вкусными, как в детстве. Наверное, их тогда папа приносил. Катрин не помнила. Вокруг расплывался чужой, прошитый разномастными крестами мир. Пахло пыльными искусственными цветами и смрадным дыханием близкого города. Хотелось исчезнуть. Катрин снова глотала трудную водку. По алею прошли трое рабочих с лопатами, посмотрели, но подходить не стали. Припрыгал ушастый щенок, получил еще конфету, воспитанно унес грызть куда-то в сторону.

Теплая вонючая жидкость кончилась. Катрин машинально сунула пустую бутылку в рюкзак. Зря потраченные деньги. От такого пойла только на кладбище и попадешь. Девушка отправилась искать бригадира.

Никаких проблем. Четыреста «зеленых», и через неделю можно будет проверять работу. Катрин знала, что проверять ничего не будет, – больше сюда не вернется.

Водка все-таки взяла свое. Катрин с трудом помнила, как ехала в машине. Как выходила. «Столичная» свинцово качалась в желудке, вызывая тяжесть и тупое безразличие. Опыянения девушка не чувствовала, только в горле засел гнусный привкус колбасы.

В прохладном метро стало легче. Станция была конечная, Катрин плюхнулась на пустое сиденье. Перед глазами все еще стояло открытое всем ветрам кладбище, пузатые трубы ТЭЦ на горизонте. Место для мертвых. Впрочем, отец провел всю жизнь в многомиллионном городе, и, должно быть, место последнего успокоения у него протеста не вызывало.

Вагон наполнялся. Напротив девушки уселись трое молодых курсантов в милицейской форме и сразу принялись созерцать интересную блондинку. Скоро парни не выдержали и стали перешептываться и перемигиваться. Катрин было все равно. Но она заставила себя подняться и пересест в другой вагон. Торопиться некуда и незачем. Только ведь сорваться с резьбы и кого-нибудь избить в кровь будет стыдно. Даже в такой день.

Катрин машинально вышла из метро, не доезжая до центра. Ноги несли по забытым переулкам. Вот и стена монастыря. Раз день мертвых, то уж всех твоих мертвых вспомни. Кованые ворота кладбища стояли приоткрытыми. Последний раз девушка была здесь с отцом лет пять назад. Ничего, Катрин редко забывала дорогу. Узкие проходы между каменными плитами с венками и ангелами вывели к знакомому надгробью. Послеполуденное солнце серебрило пыль на черном мраморе. Все, как помнилось всю жизнь. Имя, даты. Пыль. Только бронзовые массивные винты кто-то вывинтил, оставив, впрочем, литую чугунную плиту с надписью лежать ровно.

Пришлось сходить на строительный рыночек. Благо он все еще располагался на старом месте.

Отвертка оказалась слишком миниатюрной для мощного крепежа, но Катрин справилась и с упрямым последним винтом. Подмела внутри невысокой оградки, положила позаимствованные веник и тряпку на место. Черный мрамор антрацитово светился в вечерней тени. Ну, вот и все, бабуля. Прости, больше внучка не придет. Свидимся в стране Вечной Охоты.

Ворота уже заперли. Звать сторожа Катрин не стала. Перебраться через двухметровый забор человеку, знакомому с замковыми стенами не понаслышке, нетрудно. Девушка спрыгнула на полоску узкого тротуара, напугав не в меру нервного водителя. «Девятка» вильнула в сторону, возмущенно тявкнула клаксоном.

Мелкая пакость девушку неожиданно развлекла. Идиотские забавы, но в такой день – в самый раз. Катрин купила жестянку с коктейлем. Джин, несмотря на красочную надпись, внутри не обнаружился, но легкий алкоголь в банке имелся.

Ночной город выглядел чуть симпатичнее. Дневные несуразности и глупости торопливых улиц сгладились. Катрин шла по пустым тротуарам. Мимо пролетали на бешеной скорости бесчисленные дорогие машины. Пришлось свернуть в переулки. Местами еще можно было узнать старые, знакомые с детства дома, но в основном район превратился в бесконечную стоматологическую выставку. Везде торчали многоэтажные и подделанные под позапрошлый век зубы-дома. Металлокерамика.

Катрин было уже не горько, противно. Пора уезжать. Не имеешь ты с этим пустым блеском огней ничего общего.

Ладно, пройдишь еще чуть-чуть, чтобы никогда не пожелать вернуться. Девушка прошла мимо метро, пересекла площадь с Лениным, стоящим над плечами разноплеменных соратников. Кафетерий со сладким, приятным для детского уха названием перестал существовать. Вместо него появился японский ресторанчик. Полусырой пищи Катрин досыта напробовалась в походных условиях. Рядом, несмотря на позднее время, светился киоск с мороженым. Катрин взяла вафельный стаканчик и свернула во дворы. Хотелось в последний раз пройти мимо детского садика и школы. Места первых неравных боев с недобрым миром.

Пустынный переулок Марона-пустынника.

Слизывая с вафельной хрупкости очень даже неплохое мороженое, Катрин поняла, что вляпалась. Угораздило же вывалиться в переулок из проходного сквера прямо в середину растянувшейся стайки безбашенных молодых людей. Сине-красные шарфы и флаги, завязанные на плечах, выдавали принадлежность к самой продвинутой в патриотическом и спортивном отношении группировке подросткового поколения.

– Ой, лялька! Пойдем с нами! – заорал коренастый тинейджер.

Катрин хотела обогнуть поклонников самой популярной в мире игры, но пацаны уже загородили путь.

– Куда торопишься, красивая? Постой с нами, покури, – предложил наголо бритый парень.

– Не курю, ребята. Устала, домой иду, – миролюбиво объяснила Катрин и постаралась плечом оттереть с дороги низкорослого фаната. Недоросток уперся.

– Да ты не торопись, – насмешливо посоветовал бритый. – Завтра отдохнешь. Поболтай с простыми парнями.

– Устала я разговаривать. День выдался тяжелым.

– Устала она! – заржали за спиной. – Это твой еб-рь устал, раз такую соску на своих двоих на хату отправил. Или ты из этих, из вафлерш дежурных?

Катрин неторопливо обернулась. Ее окружали восемь несовершеннолетних идиотов. Почти поголовно обряженные в дешевые черные куртки. Пивом от компании несло, будто от целого взвода клураканов. Переулок оставался пустым. Только вдали, у выезда на мигающую рекламными огнями магистраль, маячили фигуры прохожих.

– Чего вертишься? – ехидно поинтересовался коренастый фанат. – Мы здесь все красивые. Или ты только черножопых уважаешь? Мани-мани, да? Подстилка ты классная, сразу видно. Я б тебе впендюрил.

– Грубый ты и неласковый, – укоризненно произнесла девушка. – И губы у тебя не накрашенные.

Парни засмеялись, но расступиться никто и не подумал.

– Смелая, ноги длинные. Люблю таких, – с удовольствием заметил говорливый кабанчик.

– Пойду я, ребята? – сказала уставшая от всего Катрин.

– Мороженым хоть поделись, – ухмыльнулся бритый вожак.

– Ешь на здоровье.

Парень стаканчик не взял, лизнул из ее рук.

– Вкусно, – бритый облизнулся.

В этот момент Катрин ухватили сзади между ног.

– Здесь тоже вкусно, – сообщил деятельный гном.

– Лапы уберите, – сказала девушка.

– Ты че, дура? Мы только начали, – теперь бедра щупали несколько пар рук. Самая нетерпеливая пятерня уцепилась за застежку джинсов.

Катрин вяло стряхнула с плеча рюкзак.

– Во, сама раздевается, – удивились за спиной. – Грамотная давалка.

Катрин поморщилась и посмотрела в глаза вожаку. В последний момент парень что-то понял и открыл рот...

Поздно.

Лапы, копошащиеся у нее между ног, сорвали пружину напряженных нервов.

Жестокий удар головой в лицо в одно мгновение выключил главаря. Девушка неудержимо рванулась из нахальных рук, вlepила остаток мороженого в чью-то морду, одновременно ударила локтем. Если ублюдки и готовились к сопротивлению соблазнительной блондинки, то уж точно не к такому агрессивному. Катрин без проблем удалось развернуться. Ни о каком

бегстве она не помышляла. Бой воскресил яркое чувство определенности. Тоскливая пустота наполнилась.

Рюкзак упал на асфальт. Катрин двигалась с легкостью балерины. Удары находили цель с оскорбительной для медлительного мужского пола легкостью. Двое тинейджеров уже валялись на мостовой. Девушка достала ногой третьего, вбила ему желудок между легкими. Красно-синие «бойцы» мешали друг другу. Приученная к тому, что промедление равнозначно смерти, Катрин непрерывно скользила между ними, уклоняясь от нелепых замахов. Девушкой овладело непристойное наслаждение. Жесткие прикосновения – в кадык, почки, пах, нос – смывали тоску с души.

Она слегка опомнилась, – большая часть футбольной шпаны уже лежала или сидела. «Убивать мальчишек все-таки нельзя. Утихомирься».

Но стоило приостановиться, как тут же стычку подстегнули металлические щелчки и мелькнувшая сталь. Дешевые китайские «выкидухи» – три доллара за пару, но вполне могут попортить внутренние органы.

На ногах оставалось четверо придурков, теперь в руках у двоих блестели короткие клинки. Пока щенки угрожающе скалились, Катрин сама прыгнула навстречу. Отшлифованный удар ногой – колено одного из уродов подломилось, он с воем повалился на тротуар. Но поддатые любители спорта были слишком уперты, чтобы отступить. В руках еще одного сверкнул нож. К тому же с асфальта поднялся недобитый коренастый.

Катрин отскочила назад, перепрыгнула через неподвижное тело, подхватила свой рюкзак. А не заняться ли оздоровительным бегом?

Не так-то это просто. Тинейджеры, сохранившие относительное здоровье, норовили замкнуть кольцо. Катрин выдернула из рюкзака отвертку. Эх, подточить бы не мешало.

В этот миг взвыла сирена, и ударили по глазам синежелтые блики мигалки.

Ни Катрин, ни ее противники в пылу битвы не заметили патрульную машину.

– Всем стоять! – рявкнул мегафон.

– Ноги! – завопил самый смысленный фанат.

Сине-красные кинулись в разные стороны. Чувствовался немалый опыт в уклонении от встреч с органами правопорядка.

Из милицейской машины выпрыгнули крепкие мужчины в камуфляжной форме с короткими «АКСУ» в руках и на удивление резво кинулись за любителями футбола. Надо думать, машина была не просто патрульной.

В довершение фанатских неприятностей сверху, от церкви, свернула еще одна милицейская машина с включенными проблесковыми огнями.

Большую часть ночи Катрин провела в отделении милиции. От отвертки удалось незаметно избавиться еще на месте побоища. Родной язык девушка моментально забыла. Что взять с тупой иностранки? Попала в разборку хулиганов как последняя дура. На все вопросы Катрин отвечала требованием вызвать консула и посла. Про консула менты понимали, заграничный паспорт тоже видели и смотрели на заокеанскую идиотку, вздумавшую в одиночестве бродить по ночным переулкам самого читающего в мире города, с соответствующим сочувствием. Красивая, но больная.

В «обезьяннике» бунтовали плененные фанаты. Милиции удалось захватить троих. Еще трое были отправлены в 1-ю Градскую, ввиду серьезных телесных повреждений. Попытки переложить вину на светловолосую иностранку юные футбольные бойцы быстро оставили. Даже до их не до конца протрезвевшего сознания дошла смехотворность подобной версии.

Часа в четыре ночи в отделение прибыл заспанный полиглот в погонах старшего лейтенанта. Обошлись без консула и международных трений. Катрин заставили подписать протокол, подтвердить отсутствие претензий, после чего отпустили.

Воздух Родины оказался слишком сладок, даже не продохнуть. Катрин была сыта по горло. В 11 часов следующего дня девушка сидела в том самом, под номером 2, международном аэропорту. На рейс она уже зарегистрировалась, прошла пограничный и таможенный контроль, до посадки в самолет оставалось минут тридцать.

– Екатерина Григорьевна? – рядом возник сухощавый мужчина средних лет.

Катрин недоуменно захлопала ресницами. Родной язык девушка вспоминать категорически не желала.

Человек вздохнул и перешел на язык международного общения:

– Мисс Катрин Бертон? Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Судя по неудачному серому костюму и еще более сомнительному английскому произношению, незнакомец носил звание не старше капитана.

2

– Мисс Катрин, прежде всего хотел бы заверить, – никакие неприятности вам не угрожают.

– Почему я должна бояться? Разве я совершила что-то незаконное?

– Ни в коем случае. Скорее столица должна выразить вам свою признательность за помощь. Впрочем, я хотел бы поговорить с вами о другом. Можно вас пригласить на чашечку кофе?

– У меня самолет через пятнадцать минут.

– Уделите мне десять из этих пятнадцати. Просто так, для очистки моей совести. Я вас очень прошу. Мне нужно будет отчитаться перед руководством.

Маленький бар находился в этом же зале.

– Вы не собираетесь меня задерживать? – прямо осведомилась Катрин.

– Нет. И, уверен, вы поймете почему. Мы в курсе вашей работы на Королевскую службу, – увидев туповато-непонимающее выражение на лице девушки, собеседник поторопился пояснить: – Ни в коем случае не собираюсь вас расспрашивать. Амнезия – неприятная вещь. Надеюсь, вы сейчас хорошо себя чувствуете?

– Что-то я не понимаю, о чем вы говорите.

– Это из-за моего акцента. Мне почему-то кажется, что за время краткого пребывания в нашей стране вы вполне освоили русский язык. Разрешите мне вернуться к родной речи, а то вы, чего доброго, на самолет опоздаете, пока я буду язык ломать. Если чего-то не поймете, не считите за труд переспросить.

Катрин ничего не сказала. С отвращением понюхала кофе, поставила чашечку на столик.

– Не нравится? – спросил собеседник.

– Не очень люблю кофе, – пробурчала Катрин. Бодрящий напиток теперь слишком напоминал о маменьке.

– Знаете, я тоже не люблю, – живо отреагировал сухощавый незнакомец. – У меня от него всегда изжога. Впрочем, извините, я опять отвлекся. Меня зовут Александр Александрович. Я сотрудник ГРУ. Не пугайтесь. Организация, конечно, с именем и репутацией, но конкретно наш отдел занимается сугубо научной деятельностью. Никаких шпионских скандалов, провокаций и убийств зонтиком. Наш удел – история и аналитика. Ваш покорный слуга – кандидат исторических наук. Улавливаете связь с вашим прежним местом работы?

– Нет. Ничего я не улавливаю, – решительно отрезала Катрин.

– И не надо, – Александр Александрович одобрительно кивнул. – Времени у нас мало. Имеют значение лишь ваши биометрические данные и личный опыт перемещения. Мы ничего не можем у вас требовать. Я не случайно встречаюсь с вами на нейтральной территории. Вы, естественно, знаете, что человека, ушедшего за Границу, невозможно контролировать. Я не государственную границу имею в виду, – Александр Александрович кивнул на стеклянную загородку с маячившими за ней зелеными фуражками. – Нам нужна помощь. Экстренная, чего уж там скрывать. Предлагаем вам краткую командировку – два, от силы три дня. Вы больше не имеете отношения к этой стране. У вас, Катя, достаточно денег, чтобы достойно существовать на новой родине. Вы молоды, хороши собой, и так далее. И все-таки нам нужна помощь. Всего два-три дня, я повторяю.

– А вы случайно не спятили? – сухо осведомилась Катрин.

Александр Александрович невесело улыбнулся:

– Знаете, Катя, вы далеко не первая, кто задает мне этот вопрос. Поверьте, последние три года наш отдел работает над сомнительным и действительно трудновыполнимым проек-

том. На данный момент финансирование практически остановлено. Собственно, проект как таковой никогда и не получал денег. Мы здесь дураки, Екатерина Григорьевна, вполне могу с вам согласиться. И все же, если остается хоть один шанс, мы попробуем.

– Знамя вам в руки, – Катрин пожала плечами, – я-то здесь при чем?

– Ни при чем, Екатерина Григорьевна. Бывшей родине нужна ваша помощь. Бывает Родина бывшей? Как думаете, Катя?

Девушка помолчала и неохотно ответила:

– Насчет Родины – черт его знает. Ничего у меня здесь не осталось, Александр Александрович. Разве что – могилы. Извините, наверное, вы меня с кем-то спутали. Я плохая патриотка.

– Собственно, Родина это и есть могилы предков. Но я не собираюсь вас уговаривать. На фотографии вы не выглядели такой красивой. Наверное, мы действительно обратились не по адресу.

У Катрин дернулись губы.

– При чем здесь красота? Раз уж начали, извольте договорить до конца. Или дальнейшее потребует подписки о неразглашении на семи листах и статуса «невъездной» на ближайшие двадцать пять лет?

– Помилуйте, Катя, какие секреты?! Информация, конечно, служебная, но вам даже «Московский комсомолец» не поверит. А Запад такими проблемами в принципе не интересуется.

– Что-то вы меня пугаете. До посадки осталось пять минут.

Александр Александрович вздохнул.

– Как бы сформулировать покороче... Катя, вам дата 22 июня 1941 года о чем-нибудь говорит?

– Война началась. Великая Отечественная, – автоматически ответила Катрин и побледнела под своим нездешним желтым загаром: – Да вы с ума сошли!

– Вы это уже говорили, – вежливо кивнул Александр Александрович. – Нам нужен связной. Срочно нужен. У нас произошел сбой. Да вы не волнуйтесь, всего два дня, и вы будете действовать достаточно далеко от места сражений. Не тыл, конечно, но и непосредственный риск невысок.

– У вас в ГРУ медкомиссию проходят? У вас, Александр Александрович, как с головой? Война давно кончилась. Зачем туда лезть? Я что, совсем на идиотку похожа? Или вы, как мальчишки, все в войнушку играете?

– Вы, Екатерина Григорьевна, на идиотку не похожи. Но и нас за психов не держите. Шанс есть, и мы его используем. Пусть и без вас. Идите, ваш рейс уже на посадку высветили.

Катрин встала, подхватила рюкзак.

– Ну, не знаю... Успеха вам нужно пожелать, наверное. Совсем вы отмороженные, уж простите за прямоту. Вы действительно на мое согласие рассчитывали? Да какие же у меня причины лезть в ту древнюю бойню?

– Никаких, – сухо согласился мужчина, глядя снизу вверх. Глаза у него были красные, должно быть, с недосыпу. – У вас нет ни малейших причин вступать. Четверть миллиона мы вам обещать не можем. Честно говоря, даже месячный оклад сержанта-контрактника и «боевые» на два дня нам выделили с трудом. В валюте сумму называть не буду – смешно. Нет у вас причин даже говорить с нами. Разве что ваш прадедушка – Григорий Павлович, погибший в сентябре сорок первого под Харьковом. Из вашей семьи погибли четверо, Екатерина Григорьевна. Но это действительно очень старая история. Счастливого пути.

Катрин секунду постояла, поморщилась.

– Вы мне билет компенсируете?

– На экономкласс добро дали, – без улыбки кивнул Александр Александрович.

– Рассказывайте, – девушка в сердцах шмякнула рюкзачок на стул.

Рассказывал капитан ГРУ в машине. Водил он свою старенькую «девятку» уверенно, но без всякой тени лихачества.

– ...Ленин, Сталин, культ личности, голод и коллективизация – это не по нашему профилю, Катя. Мы люди военные. Наибольшие потери страна понесла когда? Правильно, во время войны. 7, 20, 27 или 35 миллионов? Разные методики, разные цели подсчетов, разные политики калькулировали. Не наше дело считать. Дети, женщины, блокада Ленинграда, угнанные, пленные. Должна была гибнуть армия. Мы должны были гибнуть, Катя. Мы – люди в петлицах и погонах. Произошедшее не исправишь. У нас, здесь, не исправишь. Вы знаете, что такое «эффект кальки»? Исправленное прошлое ложится в другую плоскость. Никаких парадоксов прошлого не существует. Меняется другой мир. Туда можно заглянуть в гости, полюбоваться на результаты коррекции, но тот мир так и останется другой реальностью.

– Иначе говоря, мой прадед остаться в живых не может? – спросила Катрин, разглядывая замершие в длинной пробке машины.

– Вероятность этого ничтожна. Исправленная реальность и наша, – Александр Александрович кивнул на «КамАЗ»-«миксер», чадающий прямо в боковое стекло «девятки», – частенько накладываются друг на друга. Но масштабы и результаты этих пересечений настолько мизерны, что не стоит рассматривать их всерьез. С другой стороны, если мы можем помочь «той» России, разве стоит от этого отказываться? Когда-нибудь позитивные результаты докатятся и до нас.

– А негативные результаты? Разве не может стать хуже?

– Неужели? Катя, мы здесь на пороге демографической катастрофы. Границы – сплошная дыра. «Освобожденные» народы лают на нас и плюются со всех сторон. Олигархи и прапорщики воруют с одинаковым воодушевлением. Народ пьет и колется. Ну, водочка – это у нас давненько. Но если вместе с героином и телевидением, сколько мы еще протянем? Так ли уж велик риск изменений к худшему на «кальке»?

– Получается? Там? – скептически спросила Катрин.

Александр Александрович неопределенно качнул головой:

– Не все, Екатерина Григорьевна, далеко не все. Но по крайней мере там Севастополь остается базой единого флота, а на Рижском взморье можно отдохнуть без загранпаспортов. Мелочь, а приятно. С другой стороны, Курильские острова давно у японцев.

Катрин хмыкнула:

– А что, кроме вас, никто ничего подправлять не пытается?

– А им «калька» зачем? У них хватает возможностей подправлять жизнь напрямую. Не видят смысла в дублях. Немцы попытались, у них, как и у нас, комплекс прошлого силен. Просчитали от тридцатого года. Вывели наверх вместо Адольфа камрада Рема². Получилось еще хуже. Решили деньги в дальнейшем экономить и рейхстаг отремонтировать.

– А у нас что просчитали?

– Вы, Катя, меня слушаете? Я же говорю: денег нет. Немцам прогноз около шести миллионов евро стоил. Кто же нам даже десятую часть такой суммы даст? У нас в отделе два года назад сокращение прошло. Четырнадцать человек осталось. Двенадцать уже Там. Если операция пройдет успешно, на следующий год деньги на отдел выделяют. «Точечные уколы» – на большее Там мы не способны.

² Рем Эрнст (1887–1934) – имперский министр в Германии, начальник штаба штурмовых отрядов. Стремился превратить их в костяк армии, подчинить себе генералитет. Расстрелян с санкции Гитлера.

* * *

Койка в переоборудованной под комнату отдыха бывшей «оружейке». Солдатское синее одеяло и подушка, способная по жесткости заменить снаряд для катапульты. Офис отдела «К» размещался в старой казарме на Пироговской. За окном глухой забор, бродили вялые солдаты-срочники с метлами и мешками для мусора. На Катрин был выписан временный пропуск, но за неделю она так ни разу им и не воспользовалась. В городе девушке делать было нечего.

Александр Александрович ночевал в соседнем кабинете. Еще был Шура, компьютерщик отдела «К». Шура был помладше и иногда бегал ночевать домой. У него имелась жена, которая иногда требовала мужского внимания. Что старший лейтенант там, в семейном гнезде, делал, Катрин и не пыталась догадываться. Товарищи офицеры в качестве самцов совершенно ни на что не годились. Работа забрала у них все.

Катрин не вникала в лишнее. Ей был выделен старый ноутбук. Читать приходилось с утра до вечера. Гигабайты документов, написанных на совершенно неудобоваримом газетно-бюрократическом языке. Ноутбук частенько зависал. Приходилось перегружаться. К словосочетаниям: мудрый товарищ Сталин, фашистские кровожадные собаки, гений большевистского ума – девушка притерпелась довольно быстро. Но вот бесконечные АБТО³, БАП⁴, ПАРБ⁵ и ППГ⁶ заставляли «зависать» саму Катрин. А там еще встречались райкомы, Коминтерн, комбеды и стахановцы. Наверное, большая часть сих увлекательных пыльных сведений никогда ей не понадобится, но заняться с девушкой индивидуально было некому.

В забытых архивах все представало в совершенно ином виде. Катрин всегда подозревала, что в школе ее учили какой-то, не соотносящейся с реальной жизнью, ерунде. Но не до такой же степени?! От некоторых документов просто оторопь брала. Неужели детство бабушки прошло в этом мире?

Катрин пила чай и отползала к своей койке. От подслеповатого экрана и ламп дневного света болела голова. В соседней комнате все еще шуршали два Александра. Катрин пыталась уяснить, что, собственно, она здесь делает, но моментально засыпала.

Четыре дня, три, два... До самой короткой в году летней ночи оставалось еще два раза забраться под колючее одеяло.

Катрин, наконец, проэкзаменовали. Александр Александрович задал два десятка вопросов. Худое лицо капитана ГРУ эмоций не отразило, но по тому, как морщился Шура, девушка поняла, что едва ли получит зачет по знанию военно-политической обстановки в Союзе Советских Социалистических Республик накануне вероломного нападения немецко-фашистских империалистов и их продажных прихвостней.

Ну и что? Другой кандидатуры в связные у группы «К» все равно не наблюдалось. Отдел, за исключением компьютерного Шуры, поголовно имел нужную подготовку и нужное здоровье для вояжей в «кальку». И все уже были в деле. Александр Александрович тоже два раза ходил Туда. Последний раз вернулся с развороченной нижней челюстью. В ноябре 1920 года в Тамбовской губернии товарищ капитан неосторожно подставился под осколок гранаты. Щека зажила, но челюсть Александр Александрович теперь мог хранить ночью в стакане. Катрин знала, что имплантаты, металл и прочие предметы небиологического происхождения не являются таким уж препятствием в Переходе. Но это был ее личный секрет, и выдавать его девушка

³ АБТО – автобронетанковый отдел.

⁴ БАП – бомбардировочный авиационный полк.

⁵ ПАРБ – полевая авторемонтная база.

⁶ ППГ – полевой подвижный госпиталь.

ни под каким видом не собиралась. Тем более что мир «кальки» не имел совершенно ничего общего с миром Эльдорадо.

Углубляться в физико-философский анализ миров было некогда.

Время– 23.06.41. 15.20.

Место – проселок Второгобыч – Жечуб.

Задание – встретить мотоколонну 67-го танкового полка, проследовать вместе с ней до штаба 34-й танковой дивизии. Найти майора Васько. Передать – «Части 4-го мех-корпуса на север не выдвигаться».

Все.

Если повезет, то можно управиться и за один день. Тылы 8-го механизированного корпуса в этом районе 23–24 июня массированным авиаударами не подвергались. Неразбериха – вот главный враг. Существует теоретическая опасность попасть под пулю диверсанта или националиста. Вероятность невелика – в качестве мишени любой армейский лейтенант гораздо привлекательнее, чем даже очень красивая девушка. Естественно, забывать об осторожности ни в коем случае нельзя.

– Кстати, об осторожности, – прервала Катрин ценные, но уже начавшие повторяться наставления, – инструктаж по материальной части я где-нибудь получить могу? Я, конечно, проштудировала наставления, но «ППД» или «МП-38» хотелось бы подержать в руках и услышать слово специалиста.

Мужчины устали на нее в негодовании.

– Вы что, Екатерина Григорьевна, вообразили? Вас для террористической деятельности посылают? Или для организации партизанского отряда? Мы вам категорически запрещаем брать в руки оружие. Информация, которую вы должны передать, важнее, чем пальба полноценного, штатно укомплектованного стрелкового полка.

– Я понимаю, Александр Александрович, и вашего майора Васько найду. Поднимать роту в контратаку или вести снайперскую стрельбу не собираюсь. Но вы можете поручиться, что я не наткнусь на дезертиров или еще на каких-нибудь неорганизованных антисоциальных типов, которым будет по барабану мой гражданский статус? Мне что, тогда возвращаться несолоно хлебавши? А если не успею?

– У дезертиров вряд ли будет «МП». У немцев пистолетов-пулеметов не так уж много, – заверил Шура.

– С «мосинкой» и «наганом» я разберусь. Но вдруг у меня заклинит гильзу в чем-нибудь более сложном... Давайте подстрахуемся. Мины там могут быть?

– Идите к черту, Катя, – в сердцах промолвил Александр Александрович. – Никаких мин. Там наши саперы практически ни одного моста не успели взорвать. «МП» вам покажут. Без «ППД» обойдетесь. Его только в музее найти можно. Сейчас уже некогда экскурсии устраивать. Лучше зубрите структуру районной комсомольской организации. Скорее уж вы на каком-нибудь младшем политруке подорветесь, чем на mine. Вы понимаете, чем обернется ваш провал, особенно если вас повяжут рядом с Вась-ко? Операция и так практически провалена.

Катрин только пожала плечами. Что она могла поделать? За оставшиеся два дня правым ленинцем-сталинцем все равно не стать.

Дела группы «К» были плохи. Провалился один из ключевых агентов в 4-м мехкорпусе. В «истинной» реальности июня 41-го года этот мощнейший корпус РККА проявил необъяснимую пассивность, игнорировал приказы Генштаба и командующего 6-й армией. И сейчас попытка вывести дополнительно 900 танков на исходную позицию общего контрудара на городок Дубовиц, судя по всему, не удалась. Агент вроде бы был только арестован, сидел под замком, но почему-то «домой» упорно не уходил.

Подробности Катрин знать не полагалось.

* * *

– Повторить сможете? – хмуро спросил старший прапорщик.

Катрин взяла тяжелый, знакомый по сотням фильмов пистолет-пулемет. Разобрала, немного повозившись с возвратной пружиной. Получилось не так уж непрофессионально.

Прапорщик еще больше нахмурился.

– Что вы мне голову морочите, девушка? В руках это оружие держали?

– Почти такое.

– В кино, что ли, снимались?

– Ага. В боевике.

– Дело хорошее, – смягчился прапорщик. – Каскадеров уважаю. Имеется желание еще что-то посмотреть?

Катрин посмотрела все, что имелось в наличии. Даже японскую «арисаку-99», которой на Западной Украине уж точно нечего было делать. Прапорщик проникся расположением к красивой сообразительной девушке. Они, не торопясь, повозились с «МГ». Немецкий ручной пулемет оказался машинкой непростой. Катрин и здесь была на высоте. Уроки Ганса не забылись. Девушке даже стало не по себе, – вдруг придется встретиться с дедушкой Ганса? Небось был такой же рыжий и щетинистый. Ну, скорей уж ты со своим прадедушкой столкнешься.

В оружейном подвале было интересно, но время поджимало. Катрин шла через узкий плац. Девушку провожали тоскливые взгляды солдат. Личный состав скучал в обнимку с неизменными метлами. Катрин с некоторым изумлением подумала, что сама уже много дней не вспоминает о сексе. Жизнь и так достаточно противна, а тут еще этот беззаветно быющий в рабочей лихорадке отдел «К». Так и в идеалы марксизма-ленинизма поверишь.

– Вы, Александр Александрович, с ума сошли, – убежденно заявила Катрин. – Не знаю, как насчет документов, но в этом платье меня сразу расстреляют. Даже Особого отдела не нужно, – любой сочувствующий Советской власти сочтет своим долгом меня сдать в НКВД как классово чуждый элемент и засланную из-за растленной заграницы шпионку.

– Разве? – Смущенный капитан повесил платье на дверцу разболтанного конторского шкафа. – Мне показалось, что расцветка подходящая, неброская. От бывшей жены осталось.

Катрин посмотрела на худого мужчину с интересом. До развода супруга Александра Александровича существовала явно не на скромную капитанскую зарплату. Экие модные шелка оставила.

Экипироваться Катрин пришлось самой, благо до дешевого рынка было рукой подать. Правда, близость торжища задачу не облегчила. Представление о моде начала 40-х годов девушка получила в основном из Интернета. В отделе «К» хранились груды документации о полевой и парадной форме РККА. Стояли три шкафа, плотно набитые кителями, гимнастерками, галифе, фуражками и пилотками. Но девушек здесь одевать никогда не планировали. Для Катрин нашлась лишь парусиновая обувь. Больше всего наличие в спецгардеробе отдела легкомысленных туфель 37-го размера изумило самих офицеров. Впрочем, удивляться было уже некогда.

Катрин шла между торговыми рядами, игнорируя призывы узкоглазых продавцов. Что за мода на все лепить этикетки? Девушка вполне согласилась бы на мешковатый хлопчатобумажный спортивный костюм с шароварами, но ничего даже относительно похожего на прилавках не имелось. Все спортивное пестрело лейблами и многочисленными современными «молниями». Катрин уже отчаялась, но неожиданно набрела на палатку с летними сарафанами фабрики «Звенигородская ударница». В самый раз – даже бирку отпарывать не придется. Отправляться в экстремальные условия прифронтовой полосы с открытыми плечами было, конечно, сущим идиотизмом. Впрочем, и вся операция продуманностью и тщательностью подготовки не

отличалась. Девушка выбрала сарафанчик в приятный бело-голубой цветочек. Еще пришлось отыскать самую простенькую косынку и самые дешевые носочки. Продавцы тщательно скрывали изумление вкусами броской зеленоглазой блондинки и пытались задрать цены.

Вернулась в казарму-офис Катрин, разозленная до предела. Раньше ей приходилось влетать в авантюры и раздетой до минимума, но в таком наряде отправляться под бомбы – это уж совсем душой нужно быть. Несколько утешало то, что сарафанчик больше двух-трех суток не проживет. По многократно подтвержденному отделом «К» опыту, перемещенная одежда выдерживала максимум 70–80 часов. Как выходили из положения офицеры, которым нужно было раздобыть Там еще и личное оружие, пряжки для портупей, портсигары и прочие мелочи, Катрин не представляла. Вероятно, отдел «К» в некотором отношении вполне мог дать фору «Бранденбургу-800»⁷.

– Хорошо получилось, – одобрил Александр Александрович.

– Вы, Катя, очень красивая, – подтвердил Шура.

Этого Катрин понять не могла: фирменные джинсы и футболка оставляли товарищей-офицеров индифферентными, а копеечный сарафан восхитил. Видно, совсем крыша у мужиков поехала на 40-х годах. В первый раз смотрели на связную как на женщину.

– Только вот... – Шура замялся, – немного откровенно...

Катрин и сама знала. Упругая грудь просвечивала сквозь ситец с неприличной дерзостью.

– Если товарищ капитан подскажет мне, где достать лифчик вековой давности, то мы этот недостаток живо ликвидируем. На рынке сплошные кружева и нейлон, – ядовито заявила девушка. – Не хватало еще, чтобы меня за буржуазный бюстгальтер расстреляли.

– А что делать? Так ходить тоже рискованно, – Александр Александрович выглядел подавленно, в основном от нежелания рассматривать предмет дискуссии.

– Жакет мне нужен. Пиджак, тужурка какая-нибудь. На рынке ничего не нашла.

– Так где же взять, если и на рынке нет? В музей обращаться поздно, – промямлил капитан.

– Хорошо, что вы меня, Александр Александрович, не на борьбу с татаро-монгольским игом снаряжаете. А то бы лапти замучались подбирать. Комсомольский инструктор может носить полувоенную форму?

– Но это же не годы военного коммунизма, – занудил капитан.

На помощь девушке неожиданно пришел Шура.

– Подбирайте, Катя, что хотите. Там уже война. Может быть, никто и внимания не обратит. Мы в подготовке столько ляпов допустили, что лишняя несуразица мало чего добавит. Шансы и так мизерные.

– Спасибо, Шура, – в сердцах поблагодарила Катрин. – Вот вы всегда подбодрите. Не то что товарищ капитан.

Отпороть с гимнастерки петлицы и пуговицы дело минутное. Новенькая одежда вмиг приобрела дезертирский вид. Офицеры в сомнении переглянулись. Катрин накинула просторную гимнастерку поверх сарафана. Подпоясаться пришлось обрезком брезентовой стропы. Результат получился настолько неоднозначным, что обсуждать его не решились.

Александр Александрович показал девушке портфель, с которым Катрин предстояло отправиться в путь. Парусиновое чудище раздулось от объемистого содержимого. В основном портфель хранил газеты: «Правда», «Комсомольская правда», «Львовский коммунарь», пачку бланков, еще кое-какую комсомольскую документацию, изготовленную, как и газеты, репринтным способом. Серьезную проверку вся эта макулатура не выдержала бы. Зато комсомольскому билету уделили самое пристальное внимание. На непрофессиональный взгляд Катрин,

⁷ «Бранденбург» – одно из лучших диверсионных подразделений фашистской Германии.

документ выглядел убедительно. Еще имелось удостоверение инструктора отдела пропаганды и агитации Сокольнического райкома ВЛКСМ и командировочное предписание.

«Может, проканает», – как выразился Шура.

Катрин в последний раз заправила свою койку синим, ставшим уже и не таким колючим одеялом. Посмотрела карту, исчерканную синими и красными стрелами. Вот этим листам цены не будет там, в 41-м. Только с такой картой шпионкой ты станешь стопроцентно, и для своих, и для немцев. Да и без карты для «своих» какая уж ты своя?

Они успели пообедать. Торопиться незачем. Колонна появится во второй половине дня. Одиноко торчать на лесной опушке целый день опасно. Шура вытащил початую бутылку водки. Пришлось немножко глотнуть «на посошок». Запили вишневым соком. Повторять инструкции мужчины не стали, – Катрин и так была набита информацией под завязку.

Девушка, не торопясь, переделалась. Александр Александрович принес портфель. И последние из отдела «К» отправились с нею в подвал. Миновали сонного часового.

В пустой комнате на полу желтел не слишком ровно намалеванный эмалевой краской квадрат. Шура включил сервер...

3

На полого поднимающемся от ручья склоне снова вспухли кусты разрывов. Немецкие минометы укладывали мины слаженно и густо. Взвод, покинувший было наскоро вырытые стрелковые ячейки, снова залег. В бинокль удавалось разглядеть, как кричит замкомвзвода, пытаясь оторвать бойцов от земли. Инстинкт заставлял красноармейцев жаться к траве, вместо того чтобы одним броском достичь спасительной опушки.

Вперед страшно, назад страшно.

На той стороне снова появилась пара танков. Донесся треск пулеметных очередей. Серые коробки «PZ»⁸ попеременно выходили вперед, не давая поднять головы.

Майор Васько опустил бинокль и без выражения глянул на командира батальона. Комбат ответил неопределенным пожатием плеч. Свяznego он отправил вовремя. Приказ на отход боевое охранение получило, но потом выскочили те немецкие мотоциклисты, их легко положили у ручья, увлеклись, ну и...

Рассказывать незачем. Комполка и сам видел опрокинутые мотоциклы, тела немцев, валяющиеся возле них. Но теперь застрявший взвод задерживал всех. Батальон ушел далеко по просеке. У опушки остались только три танка прикрытия, мотоциклисты комендантского взвода и два штабных броневика. Да еще машина с радиостанцией, без которой командир полка и шагу не ступал.

– Прикрыть надо дураков, – пробурчал Акимов. Он, проведенный бок о бок с командиром полка последние восемь месяцев, хорошо понимал молчание Васько. Эти месяцы непрерывных, не укладывающихся ни в какие нормы и наставления полевых занятий и упорной возни в танковых парках имели единственную цель – полк должен работать как часы. Вторые сутки шла война, та самая, к которой были устремлены помыслы все последнее время. Война, из-за которой батальонный комиссар Степан Иванович Акимов, член партии, человек, преданный Советской власти до мозга костей, поддерживал прямые нарушения и игнорирование директив и приказов штаба округа. Сколько раз он писал и рвал донесения в штаб КОВО⁹. Вашугин¹⁰ бы этого не понял. Да и как понять, когда командир полка учит личный состав совсем другой войне. Учит безоглядно и яростно, опровергая большую часть теорий и наставлений, разработанных на таком верху, что лучше и не заглядывать – шею сломаешь. Враг окопался в наших рядах. Что ж ты ему верил, что ж ты ждал и надеялся, будто немцы полезут раньше, чем в бдящих органах поймут, что на самом деле творится в полку? Ладно, все позади, полк готов к бою. Готов намного лучше, чем другие части родной дивизии. Вчерашний утренний бой подтвердил это куда уж нагляднее. Скинули, утопили фашистов в реке. Полтора часа – и нет немецкого батальона. Пылают машины и танкетки на том берегу Днестра. И полк ушел от удара авиации, от артобстрела. Не оставив ничего ценного ни в казармах, ни в ангарах. Все знал Васько заранее. И знал, что позавчерашняя ночная тревога не кончится отбоем.

Загадка, откуда командир полка все знает, уже давно настолько измучила комиссара, что он твердо решил позабыть о ней. Полк готов. Одержал первую победу. Нет провокации и предательства, чего, невзирая на все доводы рассудка, так опасался Акимов до самого вчерашнего рассвета. Кругом прав товарищ Васько Николай Андреевич, член партии с 1927 года, вдовец, трезвенник и ясновидящий. Но есть отдельные недочеты и упущения. И разгильдяйство. Вчера не завелся один из бензовозов, а уж на что уделяли внимание технике обеспечения. Не меньше,

⁸ «PZ-I» – легкобронированный немецкий танк. Вес 5 т. Вооружение – два 7,92-мм пулемета.

⁹ КОВО – Киевский особый военный округ.

¹⁰ Вашугин Н.Н. – корпусной комиссар, член Военного совета Киевского округа.

чем боевым подразделениям. Пришлось тянуть на буксире, благо ни один из тягачей не подвел. И вот теперь – зазевавшийся взвод. Лейтенант глупо погиб, бойцы растерялись.

На то и война, чтобы люди гибли. И чтобы техника не выдерживала. И чтобы похорошки шли. «Если завтра война» – кинолента жизнеутверждающая, но больше для пионеров. Прав Николай, с агитацией и пропагандой мы что-то совсем не туда заехали.

Но взвод нужно срочно вытаскивать, а то полк только под Мозницами догнать удастся. Как не хочет комполка демаскировать присутствие тяжелой техники, но придется.

– Давайте сюда Мартынова, – негромко сказал Васько. – Пусть прикроет «пластунов». И не смотри на меня так, Степан Иванович, – командир полка коротко покосился на своего заместителя по политической части. – Знаю, что сержант, знаю, что молодой. Там, у немцев, только две «жестянки» и пехота. Если с ними наш мальчишка не справится, лучше нам с тобою сразу за гранаты взяться да с геройским «Ура!» на немцев рвануть.

«Тридцатьчетверка» проломила заросли опушки, плюнула сизым дымом и понеслась к ручью. Гусеницы вспарывали зеленую свежую траву. Огонь немцев усилился. Длинные и, по сути говоря, бесполезные пулеметные очереди стучали не переставая. Танк, не обращая на них внимания, двинулся к возвышенности левее. Взлетел на холмик, подмяв молодые березки. Оба «PZ» сосредоточили огонь на большой машине. «Тридцатьчетверка» не отвечала. Ствол орудия смотрел куда-то в сторону от маячивших на опушке немецких машин.

Васько ясно увидел бледные искры, высеченные очередью по броне покато́й башни с номером 22. Напугать хотят, что ли? Нахалы. Вдохновленные бездействием советской машины, немецкие танки выдвинулись ниже по склону. Одна из танкеток вновь принялась обстреливать залегших красноармейцев. Новая серия мин плюхнулась ближе к русскому танку.

Давай, парень!

«Тридцатьчетверка» взревела двигателем и развернулась корпусом в сторону увлекшихся немецких машин. Выстрел. От попадания в кормовую часть легкий «PZ-I» оказался развернутым на девяносто градусов. Взвилось облако черного дыма.

Экипаж сержанта Мартынова не числился лучшим в полку, но навыки стрельбы у экипажей всех рот были отработаны на высочайшем уровне. Башня чуть двинулась, ловя новую цель. Выстрел... Еще, еще...

Второй «PZ» уже горел, а «тридцатьчетверка» быстро, как будто 76-миллиметровое орудие заряжал автомат, укладывала осколочные снаряды вдоль опушки леса, подавляя огонь немецкой пехоты.

Застрявший взвод шустро бежал к лесу, неся раненых и убитого командира. Охрипший замкомвзвода подгонял отстающих.

– На броню, и уходим по просеке! – майор Васько махнул мотоциклистам.

Запыхавшиеся стрелки, хватаясь за приваренные, вопреки всем инструкциям, скобы, полезли на броню.

Садясь в броневи́к, Васько сказал батальонному комиссару:

– Ты, Степан Иванович, по своей линии Мартынову благодарность объяви. А от меня – выискание, чтобы не выеживался. Война длинная, и не всегда перед ним только «жестянки» вертеться будут. Бить мы должны всегда первыми и без театральщины. И давай догонять батальоны.

Позади бухали выстрелы. «Двадцать второй» сержанта Мартынова пятился к опушке, безостановочно обстреливая рассеявшуюся вдоль опушки пехоту немцев.

* * *

Катрин страхнула с ноги упорных муравьев. Девушка уже около двух часов маялась, сидя у дороги. Кроме насекомых, смотреть было не на что. Только раз где-то в стороне прозудели

самолеты. Рассмотреть чьи, так и не удалось. Канонада, становясь то громче, то тише, доносилась с запада и северо-запада.

Проселочная дорога оставалась пустынной, в мягкой пыли купались воробьи. Светило солнце, бездонное голубое небо куполом раскинулось над головой.

Может, не туда ты попала? Не в те времена? И не канонада это, а эхо далекой грозы? Вон солнце как палит. По прогнозу более чем полувековой давности никаких гроз не предвиделось. Или не до наблюдений за кратковременными осадками тогда было?

Нет, точно не то время. И не туда ты попала. Сидишь здесь, совершенно чужая дура в идиотском сарафанчике.

Катрин поморщилась и попробовала передвинуться. Сидеть на пузатом портфеле было неудобно. Переход прошел слишком плотно и приземленно. Опять пострадала задница. Синяк будет с тарелку размером. Хорошо, что раздеваться ни перед кем не придется.

Шутить желания не было. Судя по звукам отдаленной артиллерийской стрельбы, она очутилась на том месте, куда и предполагалось забросить связную. Только где же войсковая колонна? По времени пора бы ей появиться.

Катрин находилась в зоне действия 8-го мехкорпуса РККА. Дивизии корпуса двигались на север, готовясь нанести контрудар во фланг 1-й танковой группе немцев, прорвавшейся в направлении Житомира. Координация этого удара с действиями 4-го и 15-го мехкорпусов и являлась основной целью малочисленных офицеров-агентов отдела «К». Как все это будет выглядеть на практике, Катрин оставалось до сих пор совершенно непонятно. Что могут сделать двенадцать человек, разбросанных среди частей и гарнизонов огромной массы войск, расположенной вдоль границы?

Катрин сознавала, что является совершеннейшим профаном в планировании стратегических операций. Нужно перестать гадать и просто выполнить свою крошечную задачу.

Девушка встала, прошла вдоль дороги, невольно потеряла ушибленное место. Как прикажете выполнять эту самую задачу, когда здесь одни воробьи? До села с поэтическим названием Жечуб километров шесть. Налегке да по дороге всего час пешего хода. Только являться туда, так сказать, частным порядком категорически запрещалось. В ГРУ считали, что девушке будет куда легче попасть в расположение штаба дивизии с колонной артобеспечения. Военным профи виднее. Только где эта колонна?

Напряженный слух Катрин, наконец, уловил какой-то шум на дороге. Она подхватила портфель и нырнула в заросли. Опрометчиво являться к кому попало девушка не собиралась.

Звук приближался томительно медленно. И навязчиво напоминал о страшно далеком мире. Скрипели несмазанные колеса. Катрин разглядела сквозь листву телегу, сидящих на ней людей. На первый взгляд пассажиры скрипучего экипажа никакого отношения к армии и вообще к вооруженным силам не имели.

– Эй, товарищи! Вы из Второгобыча путь держите?

Появление вооруженной пузатым портфелем девушки напугало пассажиров гужевого средства передвижения.

– Да, товарищ, – с некоторой дрожью в голосе ответил пожилой бородатый мужчина в измятом костюме. – Уходим... указание, значит, было уходить.

– Правильное указание, – согласилась Катрин. – На Жечуб едете?

– Так, – нерешительно проговорила такая же черноглазая и черноволосая, как и возница, женщина. – По большаку не можно. Червона армия с ручницами великими. Товпа страшенна.

– Не таракхи, – одернул ее муж, – то секрет.

– Правильно, товарищи. Болтун – находка для шпиона, – одобрила Катрин. Она шла рядом с медленнодвигающейся телегой, поглядывала на узлы, на торчащую из-под них швейную машинку. Приоткрыв рот, на девушку глазел мальчонка лет пяти. Его старшая сестра смотрела на рослую незнакомку прямо и с вызовом. Красивая девушка вырастет, вернее, уже

выросла: огромные глаза, черные тугие косы. На белой выходной кофточке комсомольский значок. К сестре жалась еще одна девчонка, помладше. Родители также с тревогой поглядывали на Катрин.

«Таким черепашным шагом вы, товарищи иудеи, недалеко уйдете. Или техника вас в лес спихнет, или того хуже – фронт обгонит, – подумала Катрин. – К немцам вам уж точно нельзя».

– Вы бы поторопились, товарищи. В ближайшие часы здесь такая каша заварится. Не стоит вам Красной Армии мешать.

– Как мешать? – испугался мужчина. – До границы сорок верст. Сражение там будет. Не пустят ведь германца? Или не так? Как же с пактом о ненападении? Мы читали. Разве то не провокация, не пограничный конфликт, а, товарищ?

– Сражение будет обязательно. Только фашист, он ведь тварь скользкая, в любую щель просочится. Так что не мешайте боевым действиям. Живенько езжайте отсюда.

– Даремно мы папу зальшылы. Нэ збэрэже вин дом, та сам загынэ, – с дрожью в голосе пробормотала женщина.

– Докуда нам идти, товарищ? Вы ведь знаете, скажите? – напряженно спросил мужчина. – Скажите, как советским гражданам.

Катрин посмотрела на детей.

– Чем дальше, тем лучше. Война сейчас мобильная – самолеты, танки. Вы за международным положением следите?

– А як же, – поспешно ответил возница. – Так куда нам добираться: на Тернополь или надежнее на Жмеринку?

Катрин посмотрела в робкие черные глаза бородатого отца семейства.

– Я вам как советским людям скажу: столицу нашей социалистической Родины мы никому не отдадим.

Давненько Катрин не приходилось видеть такого ужаса в человеческом взгляде.

«Не поверят, – с досадой подумала она, – «настучат» как на паникершу, и поделом».

– Шо то робытсья? – пролепетала черноглазая женщина. – Яков, ты розумиешь, шо пани каже?

– За что вы нам гибель сулите? – тихо спросил возница. – Что у нас за судьба такая?

– Сопли подберите, – грубо проговорила Катрин. – День-два у вас еще есть. Довезете семейство до станции, сажайте на поезд. Телегу продайте или бросьте, а сами... Как совесть подскажет...

Катрин похлопала лошадь по тощему крупу. По старой памяти девушка испытывала слабость к клячам.

– Ускоряйтесь, товарищи. По-стахановски...

– Может, тебя подвезти? – спросила черноокая девушка. – Тебе ведь в Жечуб?

– Спасибо, за мной машина придет. Можно тебя на секундочку?

Девушка спрыгнула с телеги и пошла рядом с Катрин.

– Тебя как зовут?

– Дора.

– Понимаешь, Дора, меня по тревоге подняли. Схватила вот, – Катрин подергала себя за ворот гимнастерки. – Значок на блузке остался. Мне в штаб ехать, неудобно, инструктор все-таки. Не выручишь?

– А я? – дернулась черноокая девушка.

– Я тебе расписку напишу. И потом... Вы поосторожнее. На националистов можете наткнуться. Сейчас всякая шваль с оружием повылазила. А ты еще и со значком...

– Я не боюсь! – вскинула нос Дора.

– Не будь дурой. Глупо умирать – непростительное пижонство. Война будет долгой, – Катрин поспешно раскрыла портфель, принялась царапать карандашом на бланке с печатью.

Дора неохотно отвинтила значок.

«Комсомольский значок принят у тов. Фабелинской Д.Я. для нужд действующей армии. Инструктор райкома ВЛКСМ». Катрин украсила дивный документ красивой росписью.

– Счастливо, товарищ Дора. Торопитесь, здесь в ближайшее дни бои начнутся...

Скрип телеги, ускорившейся на целых полметра в минуту, стих вдалеке. Катрин проковыряла дырку в гимнастерке, привинтила значок и с чувством исполненного долга уселась на портфель. Рубиновый флажок вызывал сложные чувства. Ладно, не будем трогать чужие идеологические принципы. Здесь за такой значок пристрелить запросто могут, а значит, носить его не так уж стыдно.

Колонна появилась только часа через полтора. Рычание двигателей девушка услышала издали. По дороге промчались два мотоцикла с колясками. Катрин разглядела торчащие стволы пулеметов, запыленные каски бойцов, лица, скрытые большими очками. За мотоциклистами проскочил танк. Скорость движения несколько озадачила девушку. Ладно, мотоциклы, но и «БТ-7»¹¹ едва ли уступал юрким тарахтелкам в скорости. Сидящую в кустах Катрин окутало густым облаком пыли. Ни хрена себе – дождалась. За танком на такой же приличной скорости потянулась длинная вереница «ЗИС-5» и полторок, крытых брезентом.

Раздумывать было некогда. Катрин, прижимая к себе портфель, бросилась к дороге. Задержала дыхание, чтобы не наглотаться пыли, поднявшейся до небес, и запрыгнула на подножку грузовика.

– Куда?! – взвизгнул усатый техник-интендант 2-го ранга. – Не положено, гражданка!

Катрин бухнула ему на колени портфель.

– Назад! – завопил техник-интендант, хватаясь за кобуру «нагана».

– Столкните ее, под арест попадем! – закричал водитель и, цепляясь за баранку, потянулся ударить девушку в лицо.

– Сидеть! – заорала Катрин. – Ты у меня сам под трибунал пойдешь, чмо необученное.

Девушка свободной рукой выдернула из кармана гимнастерки свое удостоверение, сунула под нос командиру.

– Развели анархию, товарищ техник-интендант. Думаете, раз война, так и управы на вас нет? Мне в штаб дивизии, срочно. Дело первостепенной важности.

– У всех первостепенной, – пробормотал техник, пытаясь разглядеть прыгающее перед носом удостоверение.

– У меня важнее, – партия приказала. – Катрин на всякий случай убрала удостоверение, а то еще вычитает товарищ с двумя кубиками что-нибудь не то. – Мне еще из Жечуба возвращаться. Главное – штаб дивизии на месте застать.

– Сначала я вас в Особый отдел сдам.

– Сделайте одолжение. Мне как раз туда нужно. Ты, товарищ техник-интендант 2-го ранга, как будто не советский человек. Тебе что, моего удостоверения недостаточно? Поддержал бы девушку, пока я под колеса не слетела.

Действительно, грузовик трясло немилосердно.

Техник нерешительно ухватил Катрин за локоть.

– Что ты меня будто кисейную барышню держишь? – засмеялась она. – Лучше я в кузове посижу.

– Сорветесь, – пообещал водитель.

– У меня двадцать прыжков с парашютом. – Катрин ухватила за борт. Закинула длинную ногу.

– Не положено! – с опозданием закричал техник.

¹¹ «БТ-7» – легкий колесно-гусеничный советский танк.

– Портфель мой держи, – ответила девушка, перебираясь в кузов. Действительно, сорваться было проще простого. Со слегка ушедшим в пятки сердцем Катрин уселась на брезенте. Под многострадальной задницей оказались жесткие снарядные ящики. Держаться неудобно. С полуторки, шедшей следом, всю глазели. Акробатический этюд явно произвел впечатление.

Катрин вытерла косынкой лицо. Мимо промелькнул пруд. Колонна уже вошла на окраины большого села. Промелькнул пост с пулеметом, наскоро зарытые в землю противотанковые пушки, загнанный во двор и замаскированный ветвями броневик. Снова машины, прицепы, снующие между плетней красноармейцы.

Колонна начала притормаживать.

Катрин заколотила по кабине:

– Где Особый отдел? Давай туда!

Из кабины донесся неразборчивый, но явно неласковый и сугубо отрицательный ответ.

Девушка и сама знала, что отделяться от колонны и развозить ее по селу никто не будет.

И не надо.

– Портфель давай. Ничего не знаете, разъезжаете здесь, как махновцы. Я вот доведу до кого надо...

Наглость – второе счастье.

Катрин, держа портфель под мышкой, спрыгнула с подножки и с независимым видом отправилась в обратную сторону. На нее поглядывали, но без особых подозрений. Во-первых, на улице мелькали местные жители, а во-вторых, все военные были заняты делом. Девушка проскочила между грузовиками бесконечной колонны, нырнула в проулок. Как бы штаб дивизии отыскать? Спрашивать не будешь, останавливаться и высматривать – тоже не лучшая идея.

Жечуб оказался селом зажиточным. Из-за заборов свисали ветви яблонь и слив, аккуратно мощенные улицы повели девушку к центру села, где над крышами домов торчала колокольня. Еще выше кружилась стая голубей. Мирная картина. И куда только органы смотрят? Даже птичек не реквизируют. Шпионы, наверное, шляются табунами.

Катрин вышла на улицу, сплошь заставленную техникой. Запахи бензина, навоза и новенькой амуниции густо смешались с ароматом свежесваренного борща. Стрелковая рота, усевшись вдоль зеленых заборов, поглощала поздний обед. Звякая ложками, красноармейцы провожали взглядами девушку. «Чего уставились, ну, порвался немножко сарафан», – подумала Катрин, глотая слюну. Есть хотелось ощутимо. Пить еще сильнее. «И не мечтай».

Девушка протиснулась мимо тягача с гаубицей, непонятно что делающих на сельской улице. «Ворошиловец»¹² ужасающе вонял соляжкой. У Катрин запершило в горле.

Они что, офигели? Обед по расписанию, забытые улицы, никакой маскировки? Люфтваффе уже отменили? Здесь даже зениток нет.

Зенитки все-таки были. Катрин завернула за угол и увидела установленный на машине пулемет «ДШК». Боец рядом, задрав голову, обзирал в бинокль безоблачное небо. Из дома напротив вышла группа командиров. Мелькнули шпалы на петлицах. На всякий случай Катрин деловито направилась в другую сторону. Так и действительно в Особый отдел загремишь.

Девушка миновала цепочку бойцов, рысцой несущих куда-то ящики с патронами. Впереди улицу почти перегородила пожарная машина. Вот черт! Ну и мешанина в этом Жечубе. Пора заканчивать блуждания вслепую.

Катрин увидела младшего политрука с танками на петлицах и живо преградила ему путь.

– Товарищ политрук, где я могу найти политотдел 64-го танкового полка?

Юный политработник настороженно оглядел девушку. Катрин без слов достала удостоверение.

¹² «Ворошиловец» – тяжелый артиллерийский тягач.

– Зачем вам политотдел полка? – по-прежнему настороженно спросил политрук. – Здесь гражданским быть не положено. Обратитесь в райком, товарищ инструктор. В распоряжении частей вам делать нечего.

– Что значит «делать нечего», товарищ танкист? Мы, все как один, должны встать на защиту Родины. А в распоряжении 64-го полка остались комсомольские документы строгой отчетности. Вы понимаете, что произойдет, если они хоть на час попадут в руки немцев? – Катрин страстно прижала к себе портфель.

– Политотдел полка не допустит такой ошибки, – заверил младший политрук. – Мы тут не щи лаптем хлебаем, девушка. Пойдемте. Я провожу вас во временную комендатуру. Там вам помогут... – парень вежливо пропустил девушку впереди себя.

«Ох, сейчас мне помогут», – подумала Катрин, покорно поворачивая назад.

Они успели дойти до знакомого перекрестка, как вдруг раздался истошный вопль:

– Воздух!!!

Все накрыла волна грохота. Катрин так и не поняла, что ее оглушило сначала: рев двигателей или взрывы.

Над домами промелькнули две тени. Пара «Ме-109»¹³, поливая улицы пулеметным огнем, прошла на бреющем полете над Жечубом от края до края. Вряд ли неприцельные очереди нанесли серьезный урон бойцам, в основном прикрытым стенами домов и деревьями. Но психологический шок оказался потрясающим.

Мельком Катрин увидела побледневшее лицо политрука. Парень, остолбенев, смотрел на пулевые отверстия в давно не крашенных серых досках забора.

На улицах мгновенно воцарился хаос. Бежали красноармейцы, кричали командиры. Водители большинства автомашин и тракторов пытались одновременно завести двигатели. Громко кричал раненый. Где-то на окраине слышались все новые и новые взрывы.

Вслед самолетам с опозданием ударил пулемет. Трещали винтовочные выстрелы. Из-за забора, сквозь рев автомобильного двигателя, слышался отборный мат. Полуторка, груженная катушками с телефонным кабелем, разворачиваясь, завалила сарай и застряла в досках задними колесами. Теперь какой-то капитан пытался заставить испуганного водителя заглушить мотор.

– Куда стреляют? Десант? – напряженно спросил политрук, стараясь разглядеть, что происходит дальше по улице.

– Это наша система ПВО, – пробормотала Катрин. – Ты бы лучше присел...

Гудение в высоте нарастало.

Девушка плюхнулась в бурьян у забора. Миг – и пулеметные очереди заглушил рев моторов. Прямо посреди дороги запрыгали фонтанчики пыли. «Как в кино», – с ужасом подумала Катрин, вжимаясь носом в лебеду.

Рев едва не зацепившего колокольню «Мессершмитта» смолк так же неожиданно, как появился. За углом дома бессмысленно бил в небо «ДШК». Поднимался дым от бортов грузовика с распахнутыми дверцами. Люди, лежащие по улице, начали поднимать головы.

– Да куда ж крупнокалиберный стреляет? – с досадой спросил младший политрук. Парень так и не лег, только еще заметнее побледнел.

– Десант отражает, – Катрин выплюнула горькую лебеду. – Ты чего столбом стоял? Пулю раньше всех поймать хочешь?

– Пойдемте, – мрачно сказал парень и поднял портфель Катрин.

– А что, уже отбой воздушной тревоги был? – осведомилась девушка, поднимаясь на колени. Следовать в штаб под конвоем ей страшно не хотелось.

¹³ «Ме-109» – «Мессершмитт Bf-109». Немецкий истребитель. Применялся в качестве дневного и ночного истребителя, истребителя-бомбардировщика, тактического разведчика.

– Был. Наверное, был, – политрук поправил фуражку. Пальцы у него вздрагивали.

«У него первый налет. А у меня аж второй, – с довольно глупым удовлетворением подумала Катрин. – У меня шок полегче. Скоро привыкну».

Они успели повернуть на знакомую девушке улицу. Стояла машина с пулеметом. На зенитчиков орал злой и встрепанный старший лейтенант. У крыльца толпились командиры, громко и возбужденно переговариваясь. Для большей части личного состава налет оказался первой встречей с противником.

Кто снова закричал «Воздух!», Катрин так и не поняла. Командиры, стоящие впереди, задрали головы. Со стороны солнца, оставаясь почти невидимым, падало звено «Ju-87»¹⁴. В какой-то момент в уши вонзился ужасающий вой. И эти сирены, эти хищные очертания круто несущихся к земле бомбардировщиков, шасси, вытянутые, словно когтистые лапы птеродактиля, нагоняли какой-то первобытный ужас. Большинство людей заворуженно смотрели на несущуюся с неба завывающую смерть.

Катрин схватила себя за расстегнутый ворот гимнастерки. Нет, клык-талисман хранился в облупленном сейфе отдела «К». Все равно помогло.

– Ложись! – Катрин рванула политрука за рукав, увлекая под колеса грузовика зенитчиков. Очень хотелось поглубже заползти под воняющую бензином ненадежную защиту, как будто она поможет. На голую ногу девушки больно наступил сапог спрыгнувшего с машины красноармейца.

– Ой, гад! – завопила Катрин, не слыша сама себя в выматывающем душу вое.

– Куда? – рванулся следом за удирающими пулеметчиками младший политрук. Катрин удержала его за ремень.

Вой сверху плавно сменил тон. Самолеты с торжествующим ревом один за другим выходили из пике. Тонкий сверлящий свист падающих бомб...

Земля подпрыгнула, ударила в лицо. Катрин показалось, что она оглохла, ослепла и разучилась дышать.

Первая серия бомб легла совсем рядом, следующие ближе к восточной окраине села. Под грохот удаляющихся разрывов Катрин подняла голову. Пробки в ушах потихоньку рассасывались. Снаружи все еще гудели самолетные моторы, стучали пулеметные очереди. Политрук лежал рядом, двумя руками удерживая на затылке фуражку. В легких жгло от едкой тротиловой вони. Пулемет сыпал тяжелым горохом, казалось, прямо по голове. Катрин поняла, что, собственно, так и есть – бил пулемет на машине, под которой девушка отлеживалась с младшим политруком.

Девушка толкнула соседа локтем и прокричала:

– Тебя как зовут?

– Василий, – ответил, приподнимая голову, парень. Глаза темнели на меловом лице.

– Слышь, Василий, – Катрин ткнула большим пальцем вверх, – народ бьется. Может, выйдем, взглянем?

Дом на противоположной стороне улицы горел. Заборы, снесенные взрывной волной, целыми пролетами разлетелись по изменившейся до неузнаваемости улице. Два дома превратились в груды развалин. Торчали ветви поваленных яблонь, ярко блестели осколки вылетевшего из дома зеркала.

Старший лейтенант, несколько минут назад ругавший нерадивых зенитчиков, стоял за пулеметом. «ДШК», задрав ствол к солнцу, бил в сторону мелькавших в клубах дыма истребителей. Верткие остроносые силуэты снова и снова проходили над улицами, забитыми незамаскированной техникой тылов дивизии. Столбов черного дыма от горевших машин и тракторов поднималось не меньше десятка.

¹⁴ «Ju-87» – «Юнкерс-87 В», пикирующий бомбардировщик. Бомбовая нагрузка – 700 кг.

Катрин запрыгнула в кузов грузовика.

– Пошла вон! – не оборачиваясь, прокричал старший лейтенант. Его плечи тряслись в нескончаемой судороге пулемета. На кончике ствола плясал оранжевый веселый тюльпан.

В грохоте девушка не расслышала нелестных слов, но легко догадалась.

– Щас разберусь, – Катрин принялась отдирать хитрую защелку, прикрепляющую короб с запасной лентой к борту грузовика.

«ДШК» захлебнулся, доев ленту. Девушка, наконец, освободила короб с патронами, но ее опередил младший политрук. Старлей-зенитчик кинул пустую коробку на пол. Подхватил из рук незваного помощника полный короб, обдирая пальцы, заправил ленту. Молчание пулемета, издевательское жужжание ведущих свою безнаказанную круговерть истребителей вонзалось в сознание всех троих, как раскаленный гвоздь. Должно быть, старший лейтенант с пушками на петлицах понимал лучше других, что вряд ли пулемет достанет истребители на дистанции свыше двух километров. Но не отвечать врагу было еще хуже. Когда пулемет продолжил свою дробь, не только трое в кузове, но и десятки бойцов и командиров вокруг вздохнули свободнее.

Пулемет успел высадить еще ленту. Катрин опустила бинокль.

– Ушли...

Старший лейтенант и сам видел. От замолкшего пулемета пахло раскаленной сталью и порохом. Знакомый запах.

– Не расстраивайтесь, товарищ старший лейтенант. В следующий раз попадете.

– А?! – громко произнес старлей. Как и все, он порядком оглох. – Вы что здесь делаете?

– Веду наблюдение, – Катрин повесила бинокль на пулеметную турель. Под тонкими подошвами тапочек катались гильзы. В глазах все еще мелькали неуловимые силуэты самолетов с черно-белыми крестами.

Политрук спрыгнул с кузова вслед за девушкой. По улице, перепрыгивая через поваленные заборы, пробежали санитары с носилками.

– Где же наша авиация? – с недоуменной тоской спросил политрук. – Есть же у нас истребители?

– Фронт длинный. Наша авиация прикрывает стратегические участки. А нам придется надеяться на себя, – дипломатично предположила Катрин.

Младший политрук диковато посмотрел на нее. Очевидно, всерьез предполагал, что эскадрильи сталинских соколов обязаны затмить небо от тайги до британских морей.

Куда делись советские истребители, девушка примерно представляла, а вот что здесь делают немецкие бомбардировщики? По расписанию отдела «К» никаких активных действий люфтваффе в районе Жечуба не предполагалось. Или это пассивные действия?

– Пойдем, Вася. Запросто могут снова налететь.

Младший политрук решительно отряхнул фуражку.

– Ты извини, я к своему взводу пойду. Хотел в отдел пропаганды заскочить. Бойцы о газетах спрашивали. Да уж не до новостей сейчас. Должно быть, вот-вот команда на марш последует. А ты туда двигай, я старшего политрука из вашего 64-го у колодца на окраине видел, когда мы сюда втягивались. И машины штабные там тоже вроде стояли. Счастливо, товарищ инструктор.

– И тебе счастливо, товарищ младший политический руководитель. – Катрин смотрела, как бежит, придерживая полевую сумку и кобур с «наганом», юный Вася, фамилию которого она так и не узнала. Мальчишка, верящий в коммунизм и вездесущих сталинских соколов.

* * *

До штаба дивизии майор Васько добрался на мотоцикле. Следы налета пикировщиков виднелись еще на подступах к селу. Сползший в кювет «БТ-5», сгоревшие полуторки, разбросанные искореженные обломки противотанковой пушки. И тела, выложенные в ряд вдоль дороги. Майор знал, что убитых будет много. И очень редко они будут лежать с бережно прикрытыми лицами. У страны много лиц. И пока еще много танков. Но соотношение будет меняться. И он, Васько, здесь для того, чтобы отдать сотни танков и тысячи жизней как можно дороже. Хотя бы одну советскую машину на какой-нибудь паршивый «Т-II». Нет, его полк обойдется немцам подороже.

Ты меняла, майор Васько. Торгаш.

Да, и поэтому танк тебе сейчас ценнее людей. И бойцы, и машины обречены. Но танк, заправленный, с полным боекомплектом, дороже одной жизни, потому что непременно спасет сотни других. Выиграть время. И ударить. Ударить больно. Танки. Даже такие устаревшие, почти выработавшие свой моторесурс, как вот этот подбитый «БТ-5», могут больно кусать немцев.

Майор Васько слишком много знал. Он знал, что сейчас на него будет кричать и материть за опоздание начштаба дивизии. Но с должности не снимет. Снять без приказа комкора никто не решится. А генерал-лейтенант сейчас на правом фланге корпуса, и ему не до опоздавшего полка.

Опаздывают все дивизии. Опаздывают выполнить один приказ и уже получают другой. Приказы, приказы, приказы... Танки выжигают горючее, глохнут от неисправностей в двигателях, вязнут в многокилометровых пробках...

Этой ночью 64-й танковый полк майора Васько не выполнит сразу несколько приказов. Командира полка должны будут снять завтра. Но завтра будет поздно. Корпус всеми своими дивизиями нанесет контрудар.

Со вчерашнего дня майор Васько был спокоен. Он знал, что война начнется, и она началась. Вчерашний полностью уничтоженный батальон мотопехоты и сильно потрепанный мотоциклетный батальон немцев – только начало работы.

Сейчас 64-й полк укрыт в рощах на южном фланге сосредоточенной у Жечуба дивизии. За полтора дня полк потерял двенадцать человек ранеными и убитыми. Все машины, вплоть до хлебовозки, исправны и готовы к маршу. Горючего на три заправки. Полк усилен двумя десятками старых «Т-35»¹⁵. И еще, по странному стечению обстоятельств, зенитно-артиллерийский дивизион полка едва ли не превосходит по мощи все вместе взятые средства ПВО дивизии. И еще, майор Васько глянул на хранящего непроницаемый вид помощника начальника оперативного отдела корпуса майора Семаху, – пока тебе верят.

Начальник штаба дивизии выдохся. Действительно, запасы мата тоже не беспредельны. Эстафета перешла к заместителю по политической части. В общем-то правильные слова о стойкости, бдительности и неукоснительном выполнении приказов майор Васько слушал с нетерпением. Минуты текли. За остаток дня и ночь предстояло сделать многое.

* * *

Катрин сидела на лавочке и внимательно читала дурацкий циркуляр по усилению атеистической работы среди сельской молодежи. Газета была бы интересней, но здесь чтение ста-

¹⁵ «Т-35» – устаревший к 1941 году тяжелый многобашенный советский танк со слабой броней и мощным вооружением.

рой прессы вызвало бы небеспочвенные подозрения. А так, работает человек с документами – значит, при деле. Для убедительности девушка черкала карандашом среди машинописных строк.

Еще часок – и тебя точно возьмут за попу.

Ближе к штабу подойти нельзя, и так помог сумбур, воцарившийся в селе после бомбежки. Красноармейцы больше следили за воздухом, чем за потенциальными диверсантами. У штабных машин сновали командиры и бойцы комендантской роты. То и дело подъезжали грузовики и мотоциклы. За время, проведенное за компьютером, Катрин приблизительно ознакомилась с техническим оснащением РККА, но все равно количество двух- и трехколесных стрекочущих агрегатов удивляло. Кто б мог подумать, что байкеры у Сталина в такой чести? В танковой дивизии насчитывалось больше сотни мотоциклов.

Вот еще прострекотали. Стоп! Похож. На зрение девушка не жаловалась. Звания отсюда, конечно, не разглядеть. Но похож. Среднего роста командир в хорошо подогнанном танковом комбинезоне неуловимо отличался от окружающих. Может быть, сосредоточенностью. И прямой спиной. Ни возбуждения предбоевой суетой, ни скованности и растерянности человека, в первый раз оказавшегося под бомбами. Нет, кратковременную панику она видела только во время налета. Сейчас все занимались своей воинской работой. По крайней мере здесь, в штабе дивизии. Кадровые войска советских ударных механизированных корпусов все еще оставались уверенными в своих силах.

Но если человек, чью спину видела Катрин, действительно тот, кого она ищет, то он должен быть уверен в другом.

Девушка подскочила, прошлась вдоль лавочки. Только спокойнее. Застегнуть портфель, сосредоточиться. Сколько он там пробудет? Если он – действительно майор Васько. А вдруг его вызвали, чтобы арестовать? Катрин хоть и отдаленно, но представляла, по какому тонкому лезвию идут внедренные в 41-й год офицеры отдела «К».

* * *

Майор Васько без эмоций выслушал очередной приказ. Уже четвертый за сегодня и седьмой за два дня войны. Рубеж: село Груда – Красна Ярына, выйти туда к 23.00. Бесполезно. Артиллерийский полк не успеет. Развернуть бы его сразу на Квасно. Сколько бы тонн горючего сохранили. И потери от завтрашних бомбежек сократились бы втрое. Руки у тебя коротки, майор. Не достучался ты до 34-го гаубичного.

В кратком обсуждении предстоящего марша Васько принимал мало участия. Его полк пойдет другим маршрутом. Оправдания изменению маршрута придумаем завтра. Если эти оправдания еще будут кому-то нужны.

Отпустили. Майор с облегчением вышел из душной штабной палатки. Завтра будет еще жарче. Он наскоро переговорил с комполка мотострелков и начальником связи дивизии. Никаких изменений – командиры настроены решительно. Рядом мотористы возились с дизелем радиостанции. Еще не знают, что сейчас опять придется грузиться.

Сержант завел мотоцикл, едва увидев командира. Васько одобрительно кивнул. Хорошо, что хоть кого-то не надо ежеминутно подгонять, подталкивая в шею. Да и вообще, на своих, полковых, пока пенять не приходилось.

– Давай, Петров, двигаем обратно. Поужинать успеем.

Мотоцикл с автоматчиками сопровождения уже вырулил к КПП. Майор запрыгнул в коляску, сержант лихо газанул. Привычно меняя фуражку на танковый шлем, Васько увидел часовых, пытающихся оттеснить странную девицу с нелепым толстым портфелем. Гражданка попалась настойчивая, нырнула под штык, чуть не опрокинула второго бойца, кинулась прямо под мотоцикл. Звонко заорала:

– Товарищ майор!

Сержант с трудом избежал столкновения, мотоцикл подпрыгнул на разбитой гусеницами дороге.

– Зеваешь, Петров, – поморщился Васько.

Промелькнуло злое лицо девицы, красивая шея, открытая анархистски распахнутым воротом гимнастерки.

Черт-те что у них здесь делается. Развели коммунистическую дисциплину.

– Твою мать, майор! Тюнинг тебе в... – громко пожелала девчонка.

Пьяная, что ли? Особому отделу нечем заняться. Майор оглянулся. Девица с яростным выражением на загорелом лице показывала оттопыренный средний палец.

На скорость реакции майор Васько не жаловался, но на этот раз до него дошло только метров через сто.

– Стоп, Петров. Давай назад...

* * *

Штабной автобус, две «эмки» и вся остальная техника штаба полка походила на еще одну рощу у опушки леса. Более тщательно замаскированного подразделения в дивизии просто не существовало.

Ближе майор Васько девушку не пустил. Разговаривали под дикой грушей на обочине полевой дороги. Мотоцикл с сержантом ждал в десяти метрах впереди, даже не заглушив двигатель. Под треск мотора Катрин назвала пароль, передала краткое сообщение. В течение нескольких секунд лицо майора не выражало абсолютно ничего. Потом он коротко спросил:

– Почему Тарасов арестован?

– Понятия не имею. И отдел не имеет сведений.

Васько поморщился.

– В отделе знают, что без поддержки 4-го корпуса операция теряет стратегический смысл. Зная причины задержания подполковника Тарасова, мы могли бы его вытащить. Связь со штабом армии устойчивая, и там есть к кому обратиться.

Катрин молчала. О деталях происходящего уровнем выше этой полевой дороги она не имела ни малейшего понятия.

Майор глянул в ее удостоверение:

– Какое у вас звание, Екатерина Григорьевна? Имею в виду – Там.

– Сержант... – с некоторым колебанием ответила Катрин. Хрен его знает, можно ли считать себя на службе, если ни разу не получала жалованья?

– Товарищ сержант, в силу сложившихся обстоятельств поступаете в мое распоряжение. Ответственность беру на себя.

– Есть в ваше распоряжение, – в шоке ответила Катрин.

«Откуда только знание устава у тебя, дура?»

– В лицо Тарасова узнаете?

– Так точно, – девушка неоднократно видела на фотографиях в отделе круглощекое подполковника, агента отдела «К» в 12-й дивизии.

– Выясните подробности его ареста, доложите мне. Радиста и сопровождающего ждите здесь. В штаб 4-го корпуса они вас доставят. Лейтенанта можете максимально использовать, парень надежный. Его в корпусе знают. Попробуйте действовать через начальника артиллерии. Очень коммуникабельный товарищ, – в голосе Васько промелькнуло легкое презрение, едва ли не единственное проявление человеческих эмоций за время разговора. – Документы у вас останутся прежними. Единственное, что я могу успеть сделать, – командировочное предписание за печатью дивизии. Задание выполнить до 4.30. Желаю успеха.

– Товарищ майор, – остановила Васько слегка опомнившаяся девушка, – мне нужна одежда.

Командир полка с недоумением окинул ее взглядом с ног до головы. Просвечивающие сквозь истончившийся ситец ноги волновали майора мало.

– Рост? Размер ноги?

– 180, 37, – отрапортовала Катрин.

– Танковый комбинезон устроит?

– Вполне, товарищ майор.

Васько кивнул.

– С обувью не помогу. В полку таких размеров нет.

– Ясно, товарищ майор. Личное оружие?

Майор в первый раз взглянул ей в глаза.

– В любые столкновения ввязываться категорически запрещаю. Немцев здесь пока нет. Оружие вам не понадобится.

– Здесь и авиационных налетов не должно быть. Жечуб порядком пострадал.

– Знаю. Это случайность. Аэродром в Лидовцах удалось прикрыть от вчерашних немецких налетов. Наша авиация успешно действует в районе Владимир-Львовский. Вероятно, поэтому немцы ударили по незащищенному Жечубу.

– Могут быть еще подобные случайности.

Васько молча расстегнул кобуру. Протягивая «наган» рукояткой вперед, сухо сказал:

– Сорвете операцию, пойдете под трибунал.

– Так точно. Патроны... – напомнила Катрин.

Майор выгреб из кармашка в кобуре запасные патроны, высыпал в ладонь девушки и, не прощаясь, быстро пошел к мотоциклу.

Ошеломленная Катрин плюхнулась на портфель. Мотоцикл сурового Васько умчался. Над головой шелестела глянцевыми листочками груша. Солнце медленно склонялось к горизонту. Если не считать отдаленного урчания канонады, ничто не напоминало о войне. Но завтра будет не так. И ночью... «Во что ты ввязываешься? Разве ты на это подписывалась? Да ты просто не в состоянии выполнять такие задания. Одно дело быть связной... Ты что, Штирлиц? – Катрин тупо сжимала в ладони патроны. – Васько – не майор, а рельс какой-то бесчувственный. Куда девку посылает? А ты, неполноценная, зачем револьвер выпросила? И вправду воевать собралась?»

Девушка высыпала патроны в подол, сдвинула ладонями виски. «Может, уйти прямо сейчас? Задание ты честно выполнила. А дальше что от тебя толку?»

Катрин вспомнила о вое самолетов над селом, о разрыве бомб, о телах у дороги. Озверелое лицо старлея-зенитчика. Увидела страницы учебника истории с казенными, равнодушными, а по сути такими жуткими фразами.

Подол сарафана стал похож на голубенькую марлю. Шов разошелся, но это уже не имело значения. Гимнастерка еще держалась. Катрин пересыпала в нагрудный карман патроны. «Наган» спрятала за пазуху. Довольно корявое оружие, так просто не извлечешь.

Полуторка резко затормозила, подняв облако пыли. «И здесь Шумахеры водятся», – подумала Катрин. Из кабины лихо выскочил лейтенант, подбежал, четко козырнул:

– Лейтенант Любимов. Поступаю в ваше распоряжение, товарищ инструктор.

– Почему задержались? – сурово спросила Катрин, разглядывая румяного юного парнишку со значком снайпера на гимнастерке. Майор мог бы выделить в сопровождение кого-нибудь попреставительнее. Росту в делегате связи было от силы метр шестьдесят, а веса наверняка поменьше, чем в мешке картошки. Как его только ветром не сдует?

От вопроса высоченной инструкторши лейтенант еще больше зарумянился.

– Запчасти перегружали. Машин свободных не было.

«Может, мне снять с мальчишки сапоги да и отпустить? – подумала Катрин. – Нет, за что я его так позорить буду?»

– Рацию проверили? Тогда поехали, – девушка взяла запечатанный пакет. – Дорогу знаете?

– Так точно. И водитель знает... – лейтенант открыл перед девушкой дверь кабины, но Катрин кинула портфель в кузов.

– Я с ветерком...

Лейтенант смущенно попытался помочь, просвечивающий сарафан вогнал его в совсем уж помидорный румянец.

Грузовик рванулся с места. На девушку выжидающе смотрел боец с топориками на петлицах. Рядом стоял заботливо прикрытый шинелью ящик рации.

– Здравствуй, товарищ ефрейтор. К работе готовы?

– Так точно, товарищ инструктор, – бойко отрапортовал красноармеец. – Вот, вам приказано передать...

В свертке, кроме серого комбинезона, был новенький командирский ремень и пилотка.

– Прекрасно. Как зовут?

– Ефрейтор Сопычев, старший радист саперной роты. Откомандирован в распоряжение лейтенанта Любимова.

– Значит, временно и в мое, – Катрин оглянулась по сторонам.

Машина резво неслась по дороге. Проселок оставался безлюдным. Солнце уже садилось, и полуторка пролетала сквозь длинные тени ветвей. В животе стало как-то тревожно. Возможно, от голода.

– Вы, Сопычев, понаблюдайте пока, как там сзади. Мало ли что, вдруг немецкие мотоциклисты просочились.

– Да откуда здесь немцы? Мы ведь пока в тылу...

– Наблюдайте, Сопычев. Внимательно. Мне себя в порядок привести необходимо.

– Понял, – проронил догадливый Сопычев и, прихватив винтовку, перебрался к заднему борту.

Катрин торопливо переоделась. Занятие, учитывая скачущую козлом полуторку, небезопасное. Избежать заноз и синяков в общем-то удалось. Девушка затянула ремень, переложила «наган» во внутренний карман и вздохнула с облегчением. Штанины комбинезона оказались длинноватыми, пришлось подвернуть. – Сопычев, вам сухой паек выдали?

Вскрывать банку тушенки пришлось отомкнутым от винтовки штыком. Ефрейтор заикнулся, в том смысле, что так штык использовать не положено. В ответ голодная Катрин заявила, что опытному бойцу необходимо носить с собой карманный нож. Из банки уже удалось выковырять добрую половину содержимого, когда машина остановилась на окраине села. Из кабины высунулся лейтенант.

– Кривенцы. Тут наши стояли из разведбата. А сейчас пусто.

Катрин с трудом пропихнула в себя кусок волокнистой говядины.

– Нам объезд искать некогда. Давайте здесь не маячить. Проскочим, пока не стемнело. Главное – энергичненько.

Почти тут же девушка раскаялась в своем неосмотрительном указании. По пустынной улице полуторка неслась так, как будто под капот вместо сорока лошадиных сил запихнули все сто двадцать. На перекрестке водитель чудом увернулся от черной груды металла. Сожженная «эмка» еще источала дым и резкий запах гари.

Первых выстрелов Катрин не услышала. От пробитого борта отлетела щепка. Сопычев суетливо вскинул винтовку, выпалил куда-то в сторону мелькавших домов. Полуторка еще прибавила ходу, громяхая всеми частями и оставляя за собой пыльный шлейф, вырвалась за околицу. Вслед хлопнула пара выстрелов.

– Ты куда стрелял, Сопычев? – прокричала Катрин.

– Блеснуло что-то. За окном навроде, – ефрейтор сосредоточенно щелкнул затвором, досылая новый патрон.

– Вы, товарищ ефрейтор, поосторожнее. Подстрелите местного педагога или старушку какую-нибудь.

– Что ж, в нас палят, а мы, выходит, молчать должны? Все они здесь – белохохлы, только и ждут момента в спину бабахнуть, – уверенно заявил ефрейтор.

Машина остановилась. Из кабины высунулся лейтенант. Фуражка лихо съехала на ухо, в руке «наган».

– Все целы?

– Все, все, – успокоила Катрин. – Вы тоже стреляли?

– Да я и разглядеть ничего не успел. В кого стрелять-то?

– В белохохлов.

– В кого?!

– Поехали, потом разберемся.

До штаба корпуса добрались уже в темноте. Снова танки, артиллерия, десятки автомашин, стоящие практически без маскировки. Катрин знала, что до утра вся эта армада строится с места в новом многокилометровом марше, опять заведомо запаздывающем и поэтому бессмысленном.

Машина миновала два контрольно-пропускных пункта. В торопливых и коротких вспышках фонариков проверки Катрин в своем комбинезоне и пилотке подозрений не вызвала. Документы посмотрели только у старшего по машине. Собственно, у девушки теперь имелось почти самое настоящее командировочное предписание за подписью командующего 4-м мехкорпусом. Ну, пока не понадобилось, тем лучше.

Машина остановилась у зарослей на берегу мелкого ручейка. Очевидно, где-то недалеко был коровник. Густо несло навозом и свежей, измолотой гусеницами зеленью. Катрин и лейтенант отошли от машины и устроили совет.

– Вы, товарищ инструктор, здесь ждите. А то вопросов не оберемся. Время горячее, женщин здесь мало, – извиняющимся тоном предложил Любимов.

– Согласна. Тем более вид у меня... – Катрин развела руками.

– Вид как раз боевой, – лейтенант зачем-то одернул собственную гимнастерку, поправил кобуру и полевую сумку. – Но... как-то непривычно. В платье, я имею в виду, было... У вас в Москве... Наверное, в смысле...

– Лейтенант, вы не задерживаетесь? – сочувственно поинтересовалась Катрин. – Задание у нас срочное, идите быстрее. И не волнуйтесь.

– Есть, – с облегчением prorонил парень и стремительно исчез в темноте.

Катрин вернулась к машине. Наказала Сопычеву проверить рацию и отдыхать. Ефрейтор заверил, что рация работает как часы, и предложил товарищу инструктору взять шинель, поскольку уже холодно и к тому же комары налетают. От шинели Катрин отказалась и села в кабину. Водитель дремал, подсунув пилотку под щеку.

– Отдыхайте, отдыхайте, – девушка неловко уселась в тесной кабине, – я только хотела спросить, как там у нас с бензином?

– Виноват, задремал. Как в субботу тревогу объявили, так толком спать и не пришлось. А с бензином у нас порядок. В полку полностью заправились.

– Ну и спите тогда. Пока время есть.

Ждать было тяжело. Катрин прошлась вокруг машины. Канонада вроде бы поутихла, отдалилась на север и юго-восток. На противоположном возвышенном берегу ручейка рычали моторы, слышались команды, перемежаемые неперенными связующими словосочетаниями. Там формировалась колонна.

Потом шум постепенно стих. Колонна двинулась на север. К утру штаб корпуса должен очутиться гораздо ближе ко Львову.

Дурь какая, – ты знаешь все события на неделю вперед и не имеешь понятия, что творится под носом сию минуту.

Катрин смотрела на звезды. Слишком высокие и мелкие. Дрянь, а не звезды.

Сколько времени прошло? От пропавшего лейтенанта ни слуху ни духу.

Девушка заглянула в кузов к Сопычеву. Ефрейтор безмятежно сопел, уютно устроившись в углу у рации. Но бдительности не утратил, подскочил, стоило тронуть за плечо. Часов у него тоже не было.

– Не беспокойтесь, товарищ инструктор. До утра обстановка прояснится. Лейтенант Любимов – командир надежный, я с ним уже в двух командировках бывал. Глядишь, еще позавтракать в полку успеем.

Насчет завтрака Катрин как раз была уверена в прямо противоположном. К утру подразделения 64-го полка должны очутиться в пригородах Львова. Если у Васко нет планов, категорически идущих вразрез с исторической действительностью.

Ждать дальше стало невмоготу.

– Сопычев, остаётся за старшего. Если лейтенант вернется, ждите меня минут тридцать. Если появятся проверенные новости, сразу передавайте в полк.

Катрин взяла помятое ведро, поправила пилотку и направилась через ручей.

Штаб свертывался. Мимо девушки проехали крытые машины, звякающие чем-то металлическим и легким. Следом прогремел тягач с противотанковой пушкой на прицепе. Потные красноармейцы грузили тюки с так и не развернутой маскировочной сетью. Какой-то майор громогласно искал сержанта Георгадзе. Мелькали лучи фонариков. На Катрин никто не обращал внимания. Девушка торопливо шла среди всей этой суеты. Сам черт здесь ногу сломит. Где здесь кого найдешь? Совершенно бессмысленная затея.

Катрин вышла в пологую ложину. Большая, похожая на сдутый аэростат палатка лежала на земле. Вокруг второй, такой же, но еще растянутой на кольях, сутились бойцы. Несколько «эмок» ровной шеренгой выстроились под охраной двух броневинов, развернувших пушечные башни в разные стороны. Мимо девушки рысцой пробежала цепочка автоматчиков с новенькими ппш.

Из палатки вышли несколько старших командиров. Впереди шел генерал-лейтенант. Мелькнуло задумчивое толстогубое лицо сына церковного старосты. Нарочито старомодные круглые очки. Кобура маленького браунинга на боку.

Катрин запнулась. Несмотря на темноту, знакомое по сотням фотографий лицо командующего 4-м мехкорпусом не узнать было сложно. Тем более если знаешь дальнейшую биографию спасителя Москвы зимой 41–42 гг. и идейного, последовательного борца с большевистской Москвой начиная с 1943 года.

Девушка глупо стояла с пустым ведром. До сих пор она не сталкивалась лицом к лицу с личностями, оставившими следы, или, чего уж там, натуральные грязные лужи в истории.

Генерал-лейтенант прошел менее чем в десяти метрах от девушки. Бригадный комиссар, идущий рядом, что-то негромко говорил комкору.

А может... того? Привести в исполнение будущий приговор Военной коллегии Верховного суда прямо сейчас? Не будет никакой РОА¹⁶, не будет позора этого человека, так упорно

¹⁶ Русская освободительная армия (РОА) – воинское формирование, состоявшее из сдавшихся в плен и насильно мобилизованных военнопленных, солдат и офицеров Красной Армии, воевавшее в составе вооруженных сил фашистской Германии.

пробившегося из рядовых до генерал-лейтенанта. «Наган» редко дает осечки. Даже можно успеть смыться.

«Все ты просчитала, арифмометр недоделанный? А что будет с отступлением разбросанного корпуса? С Киевским котлом и тем же контрастованием под Москвой? Слишком сложно».

Катрин навсегда запомнила одновременно и умное, и по-крестьянски грубое губастое лицо, складки кожи на затылке, старушечьи дужки очков...

«Наган» остался в тепле за пазухой. Теперь уже поздно. Командир корпуса сел в «эмку». Хлопнула дверь машины.

– Танкист, ты что столбом застыл? Почему с ведром?

Катрин обернулась. Перед ней стоял грузный майор с орденом Красного Знамени на груди.

– Что ты здесь делаешь, твою мать, спрашиваю?! – В темноте майор, наконец, пригляделся к лицу «танкиста», к светлым волосам. К тому же свободный комбинезон с маскировкой некоторых достоинств девушки справиться явно не мог.

– Вот б...! – вырвалось у орденосца.

– Никак нет! – обозлилась Катрин. – Инструктор Мезина. Согласно мобилизационному плану, доставила автомашину номер «12–34». Требуется промыть фильтры.

– Какие фильтры?! Совсем спятили? С каких это пор по мобилизации девки вместе с машинами в части прибывают?

– Не девки, товарищ майор, а комсомолки. По решению собрания бригады имени Прасковьи Ангелиной, все девушки как одна решили лично передать машины в действующую армию.

– Чувшь какая! Не до вас, немцы рядом. Сдайте автомобиль немедленно и отправляйтесь в тыл.

– Не могу, товарищ майор. Обязана сдать машину в 12-ю дивизию под личную роспись подполковнику Тарасову. Они наши шефы.

– Какие шефы?! Иди, сдай машину, дура, и чтобы я тебя больше не видел. Под арест пойдешь.

– За что, товарищ майор? – заканючила зарвавшаяся Катрин. – Я вас очень прошу, подскажите, как найти подполковника Тарасова. Меня же без его расписки из комсомола исключат.

– Уезжайте отсюда, девушка, – застонал майор. – 12-я уже подо Львовом должна быть. И Тарасова твоего нет.

– А где же он? Ну-у, товарищ майор, – подбавила слезности в голосе Катрин.

– Арестован Тарасов, поняла? В Камарах на дивизионной гауптвахте сидит.

– Как в Камарах?! – изумилась Катрин. – Там же немцы.

– Нет там никаких немцев! – снова зарычал майор. – Утром по крайней мере не было. А если и подойдут, вашего драгоценного Тарасова вместе с остальными арестованными эвакуируют. Нашел время самоуправством заниматься. Видно, ваших машин не дождался, приглянулся у семей партактива транспорт отбирать. Анархист, – майор грустно покачал головой, – а ведь лучший в корпусе артиллерист был. Уходите, девушка, я убедительно вас прошу. Не до романтических игр сейчас. Война не прогулка.

«Это уж точно», – подумала Катрин, брэнча ведром и рысцой возвращаясь к машине. Вокруг валялись пустые ящики, забытые колья от палаток. Почти все штабные подразделения уже снялись. Девушка поскользнулась на луже чего-то липкого. «Вот, наверняка фильтры промывали».

Еще и замочив ноги при форсировании превратившегося в проезжую канаву ручья, Катрин выскочила к машине. Все были на ногах.

– Куда вы пропали? – нетерпеливо проговорил лейтенант. – Я все узнал. Подполковник Тарасов арестован за превышение служебных полномочий...

– И скучает на нарах в Камарах, так? – Катрин злобно затрясла ногами, пытаясь отряхнуть налипшую грязь. – Доложили?

– Нет, ждали вас. Шифровать?

Короткая радиограмма, ушедшая в штаб 34-го танкового полка, прямым текстом гласила: «Превышение должностных. «Обезьянник» дивизии».

Ответ был получен через четыре минуты: «Приказ будет в течение часа. Зона выхода проблемная. Немедленно окажите помощь транспортом».

Катрин, стиснув зубы, глянула на лейтенанта. Любимов, вставший на цыпочки и подсвечивающий радиограмму фонариком, выглядел растерянным.

– Камары западнее Жечуба километров на шестьдесят. наших там быть не может.

– Карту давай.

Катрин водила узким лучом фонарика по бумажному полю, испещренному знакомыми названиями. Без синих и красных стрел, отмечающих удары и контрудары приграничных сражений, карта выглядела невинно голой. Общее положение частей на утро 24 июня девушка помнила. Но эти дурацкие Камары? Крошечное местечко, в районе которого и боев-то не было. Дислоцировавшиеся там артиллерийский полк и отдельный полк связи выступили еще 21 числа. Остались ли там тыловые подразделения? Хрен его знает.

– Ушли наверняка, – убежденно прошептал лейтенант. – Нечего там нашим делать. Немцы правее Камаров прорвались крупными силами. Я в штабе сам слышал.

– В радиограмме приказ. Думаешь, майор Васко обстановку хуже нас знает?

– Нет, конечно, – с некоторым испугом запротестовал лейтенант. – Товарищ майор никогда не ошибается. В полку об этом все до последнего человека знают. Должно быть, обстановка изменилась. Пора нам в наступление переходить. С севера, наверное, наши нажали. Там у нас три, а то и четыре корпуса. Такая сила... – Любимов сконфуженно умолк.

– Это не военная тайна, – вздохнула Катрин. О реальных действиях советских корпусов севернее Львова она знала лучше лейтенанта, но огорчать парня не собиралась. – Нажали наши – не нажали... Приказ выполнять будем?

– Так точно, товарищ инструктор, – вдохновленный скорыми победами лейтенант был готов к самым решительным действиям.

– Тогда чего мы здесь сопли жуем? – мрачно осведомилась Катрин. Ее не оставляли мрачные предчувствия. «Не в ту вы сторону людей ведете, товарищ инструктор».

Сопычев, растопырившись, удерживал винтовку, рацию, свой вещмешок и портфель товарища инструктора. Катрин приходилось удерживать только себя любимую, что тоже было нелегко. Непривязанное второпях ведро гроыхало по всему кузову. Полуторка вырулила на проселок и развила поистине самоубийственную скорость. О том, есть ли в Камарах немцы или нет, девушка беспокоиться перестала. Судя по гонке, живыми туда все равно добраться не суждено.

На больших наручных часах лейтенанта Любимова зеленовато светились стрелки. Давно перевалило за полночь. Начинался третий день войны.

4

Стрелять еще никто не решался, но негодующая толпа все росла. Нетерпеливые сигналы клаксонов, крики и мат, ржание лошадей, мычание коров, всхлипывание и визг женщин слились в сплошную какофонию. Ни пройти, ни проехать невозможно. Шоссе наглухо перегораживали два вставших бок о бок «Т-26». Перекресток дорог с одной стороны подпирало болотце, с другой высился густой сосновый лес. Пробка у заблокированного пересечения выросла уже до километровой длины. Грузовики, танки, повозки с беженцами, велосипеды, навьюченные узлами и корзинами, легковые машины и сотни людей перемешались в единую массу. Блестели штыки утомленной бесконечным ночным маршем пехоты, в рассветном сумраке белели женские платки и рубашки подростков. Над кузовом одной из полуторок виднелось благородное пианино цвета слоновой кости... Шоссе стояло.

Пересекая его, прошли танковые роты, потом бензовозы и угловатые полевые мастерские, потом снова танки и машины с мотострелками. Артдивизион, снова грузовики с боеприпасами и бочками с горючим. Шли быстро, соблюдая уставные дистанции, как на параде.

Полковник сунул в кобуру «ТТ», рукояткой которого пытался достучаться в наглухо задраенный люк. Танки, блокировавшие перекресток, оставались безмолвными. Приказывать и угрожать арестом немой броне было бессмысленно. Оставалось бессильно наблюдать.

– Сволочи, – сказал полковник, – как будто они одни воют. Безобразие. Особистов бы сюда.

– Морду бы набить за такое, – согласился стоящий рядом артиллерийский майор. – Но идут как, сукины дети?! Как по линейке. Только трибуны с флагами не хватает.

– Мне бы столько техники, я бы тоже... как по линейке, – зло произнес полковник и пнул сапогом покрытую росой броню. – У меня две трети полка на своих двоих маршируют. Растянулись, мать их... А тут еще эти бабы с фикусами.

– А что, 34-я дивизия прямо на северо-восток двинулась? Корпус ведь у Золыча концентрируется? – осторожно поинтересовался майор.

– Хрен его знает. У меня самого указаний – уже в планшет не помещаются. Приказ, понимаешь, у «трактористов»?! Железяки чертовы, – полковник в сердцах снова грохнул сапогом по башне. – Когда пройдут, сучьи дети?

Шоссе пересекали тяжелые десятиметровые «линкоры» «Т-35»...

Нарушая приказ и избегая забитых перепутавшимися частями и беженцами дорог, 64-й танковый полк двигался напрямую к Бродно. Во второй половине дня и остальные части корпуса получают приказ развернуться туда же. Но до этого им придется сделать лишних 200 километров и пробиться через охваченный волнениями Львов. Своевольный 64-й будет там на день раньше. Сбережет горючее и мат-часть. Пока рации майора Васько работали только на прием.

* * *

Июньская ночь промелькнула, едва начавшись. Катрин успела немного подремать, предварительно укротив проклятое ведро. Отдыхать в скачущем по полевым дорогам грузовике оказалось занятием непростым. Ходу полуторка не снижала. Николаич, как не по уставу величал водителя лейтенант, оказался истинным профессионалом. И откуда такие берутся без ралли, кольцевых гонок и журнала «Автопилот»? Катрин неритмично подлетала на жестких досках кузова. В животе что-то екало. Возможно, запитая невкусной водой тушенка. Но все равно глаза закрывались. День выдался тяжелым и длинным. Неправдоподобным. До сих пор

не верилось в реальность происходящего. Девушка на миг отключалась, тут же открывала глаза. Звезды туманились, летели над головой.

* * *

Городок Камары затаился в речной долине. Речушка издали казалась совсем крошечной, зато на этой, восточной, стороне раскинулись обширные заливные луга. Светать по-настоящему еще не начало. Над городком висел ночной сумрак, но уже призрачный, ненастоящий, грозящий вот-вот превратиться в раннее утро.

Катрин поежилась. Под утро воздух стал прохладен. Но дело, конечно, не только в этом, – городок, лежащий в долине, вполне мог принадлежать и другому миру. Другим временам. Только телеграфные столбы портили иллюзию.

Ну, хорошее пиво в трактире тебе здесь наверняка не предложат.

Грузовик стоял в кустах у дороги. Бинокла не имелось. Сколько ни напрягай глаза, ничего не рассмотришь.

– Тихо все, – с сомнением произнес лейтенант, – наверное, немцев нет. Севернее прошли. Не может же быть прорыв по всей границе?

– Прорыв – понятие относительное. Война нынче мобильная, – изрекла банальность девушка. – Если немцы в городе и появились, отсюда мы это не узнаем.

– Поехали, товарищ инструктор, – сказал Николаич, – если что, развернемся. Они сонные и глаза продрать не успеют.

– Ездите вы классно, – Катрин вздохнула, – только пулемет, он ведь такая быстрая сволочь.

– Все равно ехать нужно, – лейтенант вынул «наган», проверил. – Разведку бы послать, – он глянул на не проявляющего особой активности ефрейтора. – Жаль, времени мало. Поехали. Комендатура с «губой» на противоположном берегу реки располагается. Я там как-то побывал. Пакет передавал, – почему-то торопливо добавил он, глянув в сторону девушки.

Забираясь в кузов, Катрин невесело ухмыльнулась. Война идет, премся прямо на немцев, а мальчишка боится, как бы не подумали, что он на гауптвахте сидел. Большое дело – на нарах валяться.

Полуторка рванулась вниз по дороге. Вокруг светлело прямо на глазах, – летнему утру не терпелось вступить в свои права. Стоило ли делать глупости в самом начале долгого лучезарного дня? Ехать в город Катрин ужасно не хотелось. Обойти бы, развернуться. Ладно, ты уйдешь в свое время, хватит и минуты. А эти люди? Вон Сопычева аж пот прошиб. Лейтенант, наверное, еще и влюбиться ни разу не успел. А у мобилизованного Николаича, должно быть, уже и детишки есть. Спросить не успела. Не первой молодости мужик, а машину водит, словно отморозенный тинейджер. Интересно, сколько у него наследников?

Дети, дети... Какие к черту дети, когда приказ есть. Выполняйте, сержант.

Размышляя о том, что лично она совершенно не создана для выполнения приказов, Катрин достала «наган». Дивное оружие, потренироваться бы его перезаряжать. Она давненько не имела дела с револьверами.

Увидев, что комсомольский инструктор проверяет оружие, Сопычев перемкнул штык в боевое положение. Девушка глянула на его сосредоточенные манипуляции со сложным чувством. В эру бронированных гусеничных монстров и пикирующих бомбардировщиков тыкать в брюхо человеку граненую сталь казалось дикой несуразицей. По крайней мере для Катрин исторические эпохи делились четко. Хотя... Она вспомнила некоторые невеселые факты из собственной биографии.

– Товарищ Сопычев, у вас еще консервы есть?

– Так точно, еще банка. Достать?

– Пока не надо. Но штык вы берегите. А то голодными останемся.

Сопычев напряженно глядел на командиршу. И, судя по всему, не очень понимал ее.

«Что-то с юмором моим стало», – самокритично подумала девушка.

Промелькнули первые дома. Грузовик резко затормозил. У распахнутой калитки стояла бабушка с двумя козами. Напуганные козы, мемякая, тянули лохматую веревку, норовя удрать во двор. Бабулька подслеповато шурилась на пыльную машину.

– Гражданка, фашисты в городе есть?

– Що, сынку, кажешь? – Бабка уцепилась за калитку. – Куди вам потрибно ихаты?

– Говорю, власть какая в городе? – повысил голос Любимов.

– Звычайна влада. Як завжды. А що? Що-нэбудь трапылось?

– Германцев в городе нет? – спросила с кузова Катрин.

– Та вы що? Який гэрманец? Цэ скільки рокив тому було, – хозяйка коз перекрестилась.

– Значит, в городе Советская власть? А не врете, гражданка? – с угрозой спросил Сопычев. – За ложные сведения знаете, что бывает?

– Яка, Радянська! Я ж кажу – як звычайно. Що вы даремно лається ни свит ни зоря? Лається вин, як той собака. Изжайтэ, куды ихалы, – бабка замахала сухой лапкой.

– Вы, гражданочка, извините, нам только... – начал лейтенант, но бабка неожиданно тонко и громко закричала:

– Так проижджайтэ вы, бисовы диты, щоб вас чорты зжерлы. Жужжать отут и жужжать. Спокоя ниякого нэма. Лаються щэ. Ни сорому, ни совисти...

Басом загавкала собака в соседнем дворе. Ее поддержала другая псина.

– Оставь ее, лейтенант. Едем, – болезненно сморщилась Катрин.

Грузовик газанул, дернулся вперед. Катрин, держась за крышу кабины, смотрела, как вслед полуторке яростно грозит старушка.

– Вот вражина, – сказал Сопычев.

Тут Катрин готова была с ним согласиться.

Городок был пуст. Закрытые ставни, серые заборы, дома, погруженные в рассветную дремоту. Ни единого человека. Только ветви деревьев, тоже кажущиеся серыми в рассветном воздухе, покачиваясь, тянулись из-за заборов.

Грузовик резко повернул, едва не выскочив на тротуар. Катрин качнулась к борту, уцепилась крепче. Проскочили мимо двухэтажной школы, почты. Девушка по-прежнему не замечала ни единой живой души. Мелькнула нелепая мысль: может быть, все эвакуировались? Осталась бабка с козами да собаки на страже. Как же, все здесь, сидят по домам, ждут указаний новой власти. Или старой – это как повернется. А мотор полуторки еще и всех случайных прохожих отпугивает. И понятно, никакая серьезная власть так ошалело носиться не будет.

Машина выскочила на мощеную площадь, кажущуюся из-за своей пустынности гораздо больше, чем на самом деле. Пролетел мимо какой-то странный дом, бугрящийся избыточной лепниной от тротуара до самой крыши. Улица сузилась, старые дома теперь выстроились с обеих сторон, заставляя снижать ход. За домами высился шпиль костела. Полуторка уже выскочила к реке, перелетела горбатый каменный мост и повернула налево. Не успела Катрин удивиться тому, что в крошечных Камарах существует настоящая, выложенная камнем набережная, как эта набережная осталась позади. Машина со скрипом и лязгом затормозила. Девушка с трудом удержалась на ногах.

Мощеная площадка перед низкими воротами, глухая стена, уходящая вдоль заросшего берега речушки. Крыльцо красного кирпича, двери с казенной вывеской. «В/Ч № 57068. Комендатура». За зарешеченными окнами никакого движения.

Из кабины выглянул напряженный лейтенант Любимов.

– Проверим? – Не дожидаясь ответа, он спрыгнул на землю.

«Может, не надо? Хватит с нас фанатизма», – подумала Катрин, выпрыгивая из машины. Совсем рассвело. Пахло бензином и свежей зеленью. Вдоль забора ветерок небрежно перебирал листы каких-то документов. Тихо. Мертво...

– Глядите в оба, – приказал лейтенант бойцам. Николаич завозился в кабине, разворачивая длинную винтовку. Сопычев уже давно взял оружие на изготовку. Над бортом торчал только курносый нос и штык.

– Пойдемте, товарищ Мезина, – прошептал Любимов. – Вы сзади идите, если что – сразу к машине. Портфель вам зачем?

– Будем протокол писать, – ответила Катрин. Она видела, как парень переложил «наган» из руки в руку, чтобы вытереть вспотевшую ладонь. Нервничает. А кто не нервничает? Самой не по себе. Свой револьвер девушка засунула за ремень сзади. Зачем захватила портфель, и сама не знала. Надо думать – для представительности, – вошла в роль.

Они успели сделать несколько шагов к крыльцу, как дверь распахнулась. Выглянул узколицый милиционер.

– Вы из Львова, товарищи? Заходите, мы здесь, можно сказать, на осадном положении. Как обстановка на дорогах?

– А что, немцев нет? – несколько разочарованно спросил лейтенант Любимов, опуская «наган».

– Немцев? – удивился милиционер. – У нас спокойно. Вот только ни во Львов, ни в Дрогобыч дозвониться не можем. Связь прервана. Проходите – расскажете. Обстановка сложная, приказов не получаем.

– Обстановка везде сложная, – сказал лейтенант, поднимаясь по ступенькам. – Но ничего, товарищ сержант, разберемся. Арестованных с гауптвахты эвакуировали?

– Не всех, товарищ лейтенант. Проходите – все доложим по порядку, – милиционер кинул взгляд на машину, улыбнулся Катрин. Галантно придержал дверь, пропуская вперед.

Катрин стало тревожно. Что это он лыбится, как будто кофе и диван предлагать собрался? И говорит как-то слишком четко.

– Вы, товарищ, мне дверь не держите. Не старое время, и я вам не барышня. Проходите. – Катрин едва ли не грудью впихнула милиционера впереди себя.

Короткий коридор, в котором раньше дежурил часовой. Свет не горел. Идущий впереди Любимов уверенно свернул, дернул ручку двери. «Ну да, он же здесь бывал», – вспомнила Катрин. А почему у милиционера кобура расстегнута?

– Руки в гору! – скомандовали впереди.

В открытой двери Катрин увидела двух милиционеров и какого-то штатского в очках. Все трое направляли винтовки на вошедшего лейтенанта.

– Тихо, пташка, – сержант, резко обернувшись, схватил девушку за руки. – Не вертись...

Катрин не принадлежала к числу тех девиц, которых можно «поймать», угрожая словами. Лапы у милиционера оказались липкими, и чувствовать их на своих запястьях было противно. Избавиться от захвата не составляло труда, но Катрин решила потерпеть. Так сказать, до выяснения обстоятельств.

– Подывыться, яка компания, – тихо рассмеялся сержант, входя в комнату. Пленницу он вел за руки, словно невесту. – Нэ зрозумієш – чи то дівка, чи то солдатик, алє очі блещуть, як драгоценні каміння. Там ще двоє краснопузых вояків на машини розсились..

– Гарна компания, – пробормотал пузатый милиционер, приближаясь к лейтенанту, – ворохнись тильки, москалэнок сопливый, – толстяк потянулся к кобуре Любимова.

Лейтенант, бледный как снег, смотрел в дула винтовок.

Ой, сейчас сорвется.

– Товарищи, да вы же не понимаете! У нас ведь полномочия. Мы же документы секретные везем. И ценности... – Катрин тряхнула портфелем: – Посмотрите, товарищи...

– Давай сюды, – повернулся пузатый, отвлекаясь от лейтенантской кобуры.

Портфель плюхнулся на пол.

– Тяжелый, – виновато пролепетала Катрин. – Простите, дяденьки милиционеры...

Насчет дяденек был, конечно, перебор, но все равно подействовало. Все глянули на зеленоглазую дурочку, потом на портфель...

Чего еще желать?

Катрин рванула руки так, что практически отшвырнула псевдосержанта себе за спину. Колено врезалось в лицо толстому... Он еще валится на пол... Через него!

Катрин снесла табуретки, чуть не развалила письменный стол, перекатившись по его крышке. Брызнули в стороны карандаши и чернильницы. «Наган» уже в руке...

Уйти от неуклюжих винтовочных стволов несложно. Не бойцы. Главное – не дать выстрелить...

И сама не стреляла... Безжалостный удар-тычок стволом револьвера в глаз. «Наган» не стилет, череп не пробьет. Но и так хватит.

Бросив «наган», Катрин перехватила винтовку очкастого хлюпика. Толкнула назад, тут же рванула на себя. Очкастый отпустил с легкостью. Детский сад, да и только.

Девушка развернулась. Толстый «милиционер» уже поднялся на колени, тянул с пола винтовку. Медлительный боров. Раньше худеть было нужно...

Катрин от души залепила прикладом в испуганную рожу. Знакомый хруст костей... еще поворот... очкастенький пытался увернуться, но приклад трехлинейки достал его по затылку.

Если, пока ты здесь вертишься, тебя не подстрелили, значит, «сержант» чем-то увлекся.

«Сержанта» оседлал лейтенант Любимов. Как это удалось щуплому невысокому парню, Катрин не поняла. Противники боролись за револьвер, и силы РККА явно побеждали.

– Не стреляй! – Катрин перескочила через бесчувственное тело толстяка, коротко и сильно ударила придавленного Любимовым противника прикладом в висок. Звук получился тошнотворный, – как будто горшок с холодцом треснул. Лейтенант отшатнулся, тут же подскочил на ноги. Завертелся с «наганом», ища врагов.

– Цыц, стрелять не вздумай, – предупредила девушка, поспешно прыгая по обломкам мебели в поисках собственного личного оружия. Револьвер нашелся в ногах одного из «ментов». Тот стоял на коленях, зажимая лицо ладонями. Из-под пальцев струился алый ручеек.

– Почему не стрелять? – тяжело дыша, спросил лейтенант.

– Их здесь может быть много, – объяснила Катрин, бегло оглядывая поле боя.

– Диверсанты? Немецкая разведка?

– Сейчас попробуем узнать. Глянь в окно, что с нашими?

Быстро и легко двигаясь по разгромленной комнате, Катрин склонялась над телами. «Сержант» и толстый были готовы. Винтовка, оказывается, очень даже опасна с обоих концов.

– У машины все спокойно, – хрипло доложил от окна Любимов. Он начал отходить от горячки рукопашной и теперь с ужасом смотрел на убитых и деловитую девушку.

– Не пялся. Мертвяков не видел? Допросить нужно, – зло прошептала Катрин.

Одноглазый тихо завыл. Катрин кинула на него быстрый взгляд. Все равно придется.

– В окно смотри, лейтенант.

Любимов отвернулся к окну. Вздрыгнул, услышав тяжелый удар. Вой раненого оборвался.

Катрин положила изгаженную винтовку. Сняла со шкафа графин с желтоватой водой, вылила на голову штатскому. Тот застонал, заскреб руками. Девушка присела, схватив за лацканы пиджака, посадила пленного спиной к стене. Тот громко застонал. Без слетевших очков пленник был похож на пожилого мальчишку.

– Его надо в Особый отдел сдать, – тихо сказал Любимов.

– Счасс, – сквозь зубы процедила Катрин и тряхнула пленного. – Говори!

– Що говорить? Вы мэнэ вбылы, – простонал тот.

– Еще нет. Говори: кто? зачем? сколько?

– Ничего не скажу. Москали клятые. Каты!

– Я тебе уши отрежу, потом пальцы. А потом яйца. Или наоборот. Яйца тебе, видимо, не слишком нужны.

– Режь, коммуняка. Хай живэ нэзалэжна Украина!

Катрин врезала ему по скуле. Пленник неожиданно отключился. Девушка выругалась и принялась осторожно похлопывать хлипкого мужчину по щекам. Сзади на нее смотрел лейтенант. Катрин лопатками чувствовала его ужас и отвращение.

– Не стой, оружие собери...

Пленный, наконец, открыл глаза. Мутно взглянул на девушку:

– Що?

– Ты кто?

– Учитель я. Ты хто? – Мужчина едва ворочал языком. Глаза снова начали закатываться.

– Задержанные где? – Катрин придерживала его за пиджак, но встряхнуть боялась. И так готов сомлеть. Нужно было бережнее по затылку стукать.

– Мы их нимцам здамо, нэхай розбираються, – прошептал пленный.

– В камерах посмотреть нужно, может, так и сидят, – сдавленно проговорил лейтенант Любимов. Две винтовки висели у него на плече, третью, ту, что в крови, он держал за ствол, как ядовитую гадюку. Похоже, лейтенанта мутило.

Катрин выпрямилась.

– Брезгуешь, да? – с ненавистью прошипела она. – Головы разбивать – это тебе не из танка постреливать. А что они сделали бы со мной, ты подумал? Ты еще про права человека вспомни и презумпцию невиновности. Не та война. Да это еще и не война. Так – разногласия с селянами. Тащи оружие в машину, бери Сопычева, и пошли камеры осматривать. Катрин вырвала из рук парня грязную винтовку. – Живее, товарищ танкист.

Лейтенант четко повернулся через левое плечо. Широко перешагнул труп «сержанта».

Катрин слышала, как за дверью Любимова вырвало.

Ей и самой было нехорошо. Длительные перерывы в подобной «работе» подпортили квалификацию. Катрин вытерла измазанный кровью, серой «кашей» и прилипшими волосами приклад о брюки лежащего в проходе тела. К горлу подкатило. Бросить бы винтовку, стволов хватает, да не время слабость показывать. Девушка сгребла в карман пару лежащих у телефона обоев. Нашла свою пилотку. Нетерпеливыми рывками расстегнула ремень «сержанта», сняла кобуру «нагана».

По коридору протопали шаги. В дверном проеме возник Сопычев.

– Товарищ инструктор... – ефрейтор онемел, увидев склонившуюся над трупом девушку.

– Ефрейтор, вы сюда полюбоваться зашли? – ласково осведомилась Катрин, засовывая за пояс кобуру.

– Никак нет, – пролепетал радист, озирая тела в разгромленной комнате. – В городе вроде бы моторы слышны.

– Вроде или слышны? – прошипела Катрин.

– Слышны, – глухо сказал из коридора лейтенант, – скорее всего, мотоциклы.

– Живее, – Катрин перепрыгнула через труп. – Где камеры?

Они выскочили во внутренний двор. Небольшой плац... Гаражи... Машина с открытым капотом... Любимов решительно бросился к приземистому строению, похожему на барак или конюшню. Катрин озиралась по сторонам. Тихо, зарешеченные окна глядят со всех сторон. Лейтенант толкнул дверь. Заперто.

– Сопычев!

Ефрейтор ударил в дверь прикладом. Грохнуло на весь двор. Катрин присела спиной к стене, выставила винтовку. Если сейчас начнут палить, окажемся как на ладони. Дверь не поддавалась. Теперь лейтенант и Сопычев лупили в нее прикладами вместе. Замок держался.

– В сторону, – скомандовала Катрин. Уперла винтовочное дуло в замочную скважину. «Сейчас сама заполучишь рикошет в глупый лоб».

Обошлось. Зато отдача чуть не вырвала винтовку из рук.

– Вперед...

Мужчины дружно навалились плечами. Дверь, жалобно скрежетнув, распахнулась. Передернув затвор, Катрин заскочила в темный коридор. Пустующий стол дежурного, двери направо, двери налево. Тишина. Некогда искать.

– Тарасов? Есть Тарасов? – заорала Катрин во все горло.

– А кто стрелял? – поинтересовался бас из-за двери под грубо намалеванным номером «5».

– Кто надо, тот и стрелял. Мне нужен Тарасов.

– Что за проблемы? Интим не предлагать. Нашли время, – пробурчал тот же голос.

– Что происходит? Когда кормить будут? – закричали с другого конца коридора. Послышались еще голоса.

Катрин подскочила к пятой камере. Утренний свет вовнутрь почти не попадал. Электрическая лампа не горела.

– Отойти к свету! Живо!

– Настойчивая какая, – удивился бас. – Ты меня еще жениться заставь.

– К окну! Или стреляю, – Катрин вскинула винтовку.

– Вот черт, – пробормотали внутри, и широкоплечая фигура отступила под зарешеченное окошко.

Две шпалы в петлицах, рост, телосложение, лицо... Подполковник похудел, но узнать можно.

– Какого хрена, товарищ Тарасов?! Что вы здесь спектакль устраиваете? Немцы на подходе.

– Ну, извините. Обленился я тут, – зло проговорил подполковник.

Лейтенант двинул в гулкую дверь прикладом.

– Не стоит, – спокойно сказал Тарасов. – Дверь крепкая, а ключи у дежурного, в ящике стола.

Катрин метнулась к столу, выдернула ящик, высыпала содержимое на стол. Среди карандашей, скрепок и ластиков зазвенела связка ключей.

– Там номерочки, – посоветовал подполковник, – вы не торопитесь.

Когда девушка отперла дверь, Тарасов шагнул, окинул цепким взглядом освободителей и ловко выхватил из-за пояса девушки кобуру с «наганом».

– Благодарю, мадмуазель. Ключи...

Катрин отдала ключи, и подполковник зашагал по коридору. Был он широкоплеч, плотен, двигался вроде бы неторопливо и в то же время угрожающе быстро.

Глядя, как он отпирает дверь камеры, Катрин крепче стиснула винтовку. Куда его черт понес? Сваливать бы побыстрее.

Когда дверь отворилась, внутри завизжали. Тарасов шагнул внутрь. Сухо хлопнули два выстрела. С «наганом» в руке подполковник вышел в коридор, принялся отпирать дверь на противоположной стороне. На миг Катрин увидела его сосредоточено-спокойное лицо. «Что же он делает? Всех, что ли, в расход?» – в панике подумала девушка.

– Чухрай, на выход.

Из камеры выскочил старший лейтенант.

– Есть приказ, товарищ подполковник?

– Есть, – нетерпеливо ответила Катрин. – По крайней мере на товарища подполковника.
– Отлично, – без тени сомнения пробасил Тарасов, – Старший лейтенант Чухрай, поступаете в мое распоряжение. Немцев в городе еще нет?

– Слышны мотоциклы. Возможно, немецкие, – отрапортовал лейтенант Любимов.

– Значит, за вещами заскочить не успеем, – с некоторым удовлетворением отметил подполковник. – Тогда бегом марш...

Лейтенант Любимов выскочил из здания комендатуры первым и замер. Машины не было. Лейтенант в растерянности повернулся к товарищам и в это время услышал тихий свист. Полуполторка стояла у самого ручья. Как водитель умудрился загнать туда машину, было непонятно, но с моста полуполторку было совершенно незаметно.

Николаич высунулся из кабины.

– Немцы! Мотоциклисты на ту сторону проскочили.

– Много? – деловито спросил подполковник.

– Три или четыре мотоциклетки.

– Это разведка. Можем проскочить. В машину! – скомандовал Тарасов, запрыгивая в кабину.

Старший лейтенант хотел посадить Катрин, но девушка молнией оказалась в кузове.

– А вы спортсменка, отлично тренированы, – одобительно произнес старлей, присаживаясь рядом. Полуполторка стартовала, и непривычный к такому сокрушительному стилю вождения офицер немедленно ушиб локоть. – Ух, – сказал старший лейтенант, – вот и для нас война начинается. А вы, товарищ спортсменка, мне винтовочку не уступите? Мне все-таки, исходя из здравого смысла, оружие иметь положено.

Катрин хотела высказаться в том смысле, что распоясанным арестантам оружие как раз доверять не рекомендуется. Но припомнила кое-что из собственного богатого опыта и молча передала винтовку.

– Благодарю. Доверие постараюсь оправдать, – серьезно пообещал старлей, проверяя затвор.

– Тогда уж и патроны возьмите, – пробурчала Катрин, – а то оправдывать нечем будет. Она сунула обоймы старлею и встала у кабины рядом с Любимовым.

Мост машина уже проскочила, летела по узким улицам. Город оставался все так же пуст. К отнюдь не плавному движению грузовика девушка слегка приноровилась. Пилотку сдувало, пришлось сунуть ее за ремень.

– Вы бы сели, товарищ инструктор. Зачем мишень увеличивать? – не глядя, сказал лейтенант Любимов. Он, сжимая винтовку, всматривался вперед. Образ молодого командира так и рвался на плакат. Тем более что в нарисованном виде товарищ лейтенант приобрел бы нужные габариты.

«Циничны вы, товарищ инструктор».

Садиться Катрин не стала. Борты у полуполторки отнюдь не бронированы, а так хоть врага можно будет заранее узреть.

Машина благополучно миновала центр города. Вот уже и окраины. С немцами одинокая полуполторка благополучно разминулась...

* * *

Танковые колонны двигались практически безостановочно. Только неповоротливые «Т-35» пришлось дозаправлять. Неожиданностей не было. Налет, вернее попытку налета, предпринятую парой «мессеров», зенитный дивизион отразил. Сбитый истребитель рухнул в дубовую рощу. Столб дыма еще был замечен. О том, что уцелевший самолет наведет бомбардировщики, майор Васько не слишком беспокоился. Целей, в отличие от самолетов, немцам хватало.

В данный момент на подступах ко Львову скопилось множество механизированных частей Красной Армии. Некоторые колонны неизбежно должны столкнуться на улицах города. Полностью предотвратить последствия катастрофически опаздывающих приказов Ставки и штаба фронта отделу «К» не удалось. Не получилось и подавить в зародыше выступление националистической «пятой колонны» в самом городе. Несмотря на изобилие агентурных данных и попытки координировать свои действия с армейскими частями, войска НКВД потеряли контроль над несколькими районами Львова. Стрельба началась в центре и в районе железнодорожного вокзала. Впрочем, мятежники утратили эффект неожиданности, и скоро очаги националистического сопротивления будут изолированы и подавлены.

Хуже было то, что 4-й мехкорпус оставался на месте.

Вернее, делал вялые попытки преградить путь небольшим группам прорвавшихся немецких войск. К месту сосредоточения для контрудара части 4-го корпуса явно не успевали.

Исправить ситуацию ни майор Васько, ни люди отдела «К», законспирированные в штабе 6-й армии, не имели возможности. Рации полка работали только на прием. Обнадеживающих новостей не было.

Майор Васько нашел глазами свой танк. «КВ» под номером «05» замыкал штабную колонну. Скоро придет срок пересест в сорокатрехтонного бронированного зверя. Нет, еще не так скоро, как хотелось бы. Командир полка говорил мало. Знание будущего давило чудовищно тяжким грузом. Майор желал, хотел, торопил развязку. Было страшно ошибиться в самом конце трехлетней подготовки.

Из радиной машины высунулся капитан, командир роты связи.

– Радиограмма. Код «Байконур»...

Командир полка, сдерживая шаг, пошел к «ГАЗ-3» с высокой антенной...

* * *

Катрин сидела на крыше грузовика и чистила «наган». Кровь на стволе запеклась и поддавалась с трудом. Помогала позаимствованная у Николаича ветошь. Девушка тщательно полировала револьвер. Если вдуматься, музейная вещь. Модели больше ста лет. Правда, именно этот экземпляр помоложе. Под пятиконечной звездой стояли цифры 1938. Почти на полвека старше своей временной владелицы. Стрельнуть так и не пришлось. Воспользовалась оружием ты, комсомолка, по-варварски. Шокированный лейтенант воспоминаниями о тебе будет пугать внуков.

Скоро придется передать оружие настоящему владельцу. Не майору Васько, понятно, комполка уже что-нибудь себе в кобуру сунул. Майору, собственно, личное оружие только по форме одежды полагается. Танки, артиллерийские и минометные батареи, роты мотострелков – вот чем стреляет командир полка. Придется «наган» вручить Николаичу как приз за мастерское вождение. Хотя рядовому револьвер не положен, еще неприятности на мужика накличешь.

Катрин пока сунула «наган» за ремень. Солнышко пробивалось сквозь листву, полуторка отдыхала, прячась в зарослях у просеки. Тишь да благодать. Только на севере едва слышно погромыхивало. Чухрай и Любимов сидели на опушке наблюдателями. Николаич посапывал в кабине.

А товарищ подполковник вместе с доблестным радиоэфрейтором вот уже сорок минут сидели в сторонке у рации. Видимо, Юстас по Алексу соскучился.

Наконец, подполковник Тарасов поднялся на ноги. Сопычев принялся шустро сворачивать радиостанцию.

Подполковник махнул девушке. Катрин без особой охоты прыгнула с грузовика. Ну не любила она, когда вот так властно машут. Товарищ Мезина, может, и сучка, но хвостом никогда не виляла. И вообще, миссия выполнена. Пора бы и в обратный путь.

– Почему сразу не доложили? – требовательно спросил подполковник.

– О чем именно? – кротко поинтересовалась Катрин.

– О вашей ведомственной принадлежности. Почему я должен был разгадывать ребусы? «КГМ – немедленно возвращаться на базу». Дураком выгляжу.

– Никак нет. Доложить не имела возможности, в виду присутствия третьих лиц. И потом вы не спрашивали.

Подполковник покачал головой:

– Совсем спятили. Девочку посылать...

– Я справилась, товарищ подполковник.

– Угу. Благодарю от лица Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы сейчас уедем, а вы возвращайтесь.

– А вы куда, товарищ Тарасов?

– В пяти километрах отсюда поляна подходящая. Меня «ераплан» подхватит. К войскам успею, пусть в «кальке» не беспокоятся.

– Разрешите проводить. Доложу, что видела своими глазами. Да и товарищам командирам, – Катрин кивнула в сторону опушки, – понятнее будет.

– Усложняешь все, девочка. Ладно, поехали. У меня еще пара вопросов к тебе...

Раскачиваясь и кренясь, полуторка выползла на просеку. Чухрая подполковник посадил в кабину, а сам трясся рядом с девушкой. Тарасов интимно шептал Катрин в самое ухо, и со стороны все это здорово смахивало на флирт. По крайней мере и Сопычев, и лейтенант старательно пялились в стороны.

– Вы, мадмуазель комсомольский инструктор, пожалуйста, мне ремень свой уступите. А то я как-то заранее на окруженца стал похож. Дурака сваял. Из-за случайности все сорваться могло. Хотел два грузовика реквизиловать, да слишком поторопился наших чекистов со счета списать.

Оправдания подполковника Катрин были ни к чему. Она молча сняла ремень.

Тарасов надел кобуру с револьвером и с явным облегчением подпоясался.

– И еще вопросик. Вы уж простите мужскую глупость, – совершенно случайно не помните, кто в прошлом году чемпионом России по футболу стал? – подполковник жалобно смотрел на девушку. – Любопытство мучит, ну прямо ужасно.

– Увы. Понятия не имею. Была в командировке. В очень дальнем зарубежье.

– Ну вот... – Тарасов не скрывал разочарования.

– Но сейчас ЦСКА лидирует, – вспомнила Катрин заголовок, случайно прочитанный в метро.

– И на том спасибо, – вздохнул подполковник. – Ты сразу возвращайся. Я парням скажу, что идешь на связь с корректировщиками. Только не тяни. Немецкая разведка здесь всю шурует...

Поляна оказалась шириной с футбольное поле. Но самолету и этого хватило. Действительно, такой «ераплан» с полпинка взлетит.

«По-2», стрекоча, как большая швейная машинка, пробежал по траве и, едва не зацепив шасси крайние кусты, взмыл вверх. Самолетик был перегружен, – подполковник забрал с собой Чухрая. Старший лейтенант без документов и с сомнительной историей своего освобождения с гауптвахты, скорее всего, оказался бы верной добычей первого же контрольно-пропускного пункта. Кроме того, Чухрай, по мнению подполковника, был отличным сапером и в операции мог пригодиться.

Катрин проводила самолетик взглядом. Летают же люди на таких хрупких штуковинах.

«По-2» развернулся над рошей и взял курс на север.

– Прощаться будем? – сумрачно спросил Любимов. – Пора вам идти, товарищ инструктор.

– Пора, наверное, – рассеянно согласилась Катрин. Как-то не верилось, что на этой футбольной поляне ее краткий боевой путь закончится.

– Счастливого пути, товарищ инспектор, – браво пожелал Сопычев. – Если что, в гости заезжайте.

– Обязательно, – пробормотала Катрин, раздумывая, передавать или нет «наган» Николаичу, оставшемуся с машиной у затененной высокими тополями дороги.

Хлопнул выстрел.

Катрин резко обернулась.

Легкий на помине Николаич отчаянно махал рукой и винтовкой, указывая на противоположный край поля.

Катрин увидела три мотоцикла, неторопливо сворачивающих с проселочной дороги. Треск мотоциклетных двигателей казался эхом улетевшего самолета.

Девушка упала на землю. Попались, да еще как глупо. Немцы, очевидно, заметили взлетающий самолет, завернули любопытствовать. Да и хрен бы с ними. Вы-то трое чего заезвались?

С мотоцикла протрещала короткая очередь. Предупреждение: не дергайтесь, для вас, русский солдатен, война окончена.

– Бежим! – прошептал лейтенант.

– Застрелят же! – заскулил Сопычев. – Мы ведь как на ладони. Пулемет...

– Заткнись! – рывкнула Катрин. – Врозь, лейтенант. Короткими перебежками...

Сопычев, не дожидаясь дальнейших приказаний, подскочил и кинулся бежать. Уходя влево, метнулся лейтенант, невысокий, прыгучий, как заяц. Катрин приготовилась последовать примеру старших товарищей, но тут увидела оставленную ефрейтором винтовку.

Через секунду она уже мчалась по полю, сжимая в руке длинную трехлинейку. На кой черт ей неуклюжая винтовка, девушка объяснить не смогла бы. Вероятно, сказывалась приобретенная за годы скитаний жадность к оружию.

На полном ходу, не жалея локтей и коленей, Катрин рухнула на землю, проехала по инерции, тут же перекатилась в сторону. Вовремя. Над головой просвистела очередь. Не пулемет, конечно. Стреляли из автомата, скорее для острастки.

Тапочки скользили по траве. Катрин заставляла себя падать чаще. Иногда видела впереди себя спины. То увенчанную фуражкой, то с фляжкой на заднице. Ничего бегают, хорошая в РККА физподготовка. Самой девушке мешала винтовка. Еще этот дурацкий штык. Оглядываться на немцев было некогда.

Двигатели за спиной тархтели все громче. Мотоциклы по высокой траве не могли развить настоящую скорость, но все равно нагоняли беглецов. Катрин слышала перекликающиеся голоса. Весело сволочам. До тополей оставалось рукой подать. Да что толку? Катрин задыхалась.

Первым дороги достиг ловкий лейтенант. Припал на колено, затаив дыхание, вскинул винтовку. Выстрел, второй... Любимов не зря носил значок снайпера. Взвыл двигатель опрокинувшегося мотоцикла. Водителя лейтенант застрелил, еще один немец закричал, раненный в руку. Мотоциклы остановились, и с них открыли яростный огонь.

Последние метры Катрин проползла под свистящими над самой головой пулями. Перевалялась в мелкий кювет, развернулась. Она задыхалась, пот заливал глаза. Душила злость. Гоняли как зайца перепуганного. Поймала в прорезь прицела серую фигурку с карабином в руках. Выстрелила. Попала или нет, не поняла, но немец исчез. Катрин выстрелила еще два раза, по мотоциклу, из-за которого вели огонь.

– Там еще машины! – закричал лейтенант. Он залег за другим стволом и редкими выстрелами не давал поднять головы немцам у мотоциклов.

Катрин и сама видела. На той стороне, на опушке, появился грузовик, еще какая-то приземистая машина. И еще мотоциклы. Девушка огляделась. От ближайшей рощи они отрезаны. Сзади поле, за ним лесок. Минут за сорок можно добежать. Да только кто даст им эти минуты?

Из-за перевернутого мотоцикла выглянул немец. Катрин выстрелила. Немец спрятался, а на голову девушки посыпалась кора с тополя. Автоматчик патронов не жалел. Девушка такой роскоши себе позволить не могла. В магазине винтовки оставался единственный патрон. Еще «наган». Если посчастливится, можно попробовать в деле знаменитый русский штык. Но вряд ли немцы согласятся участвовать в эксперименте.

– Катя! – Лейтенант махал рукой. По дороге летела полуторка. Николаич решился подбирать своих. Учитывая полную незащищенность машины, попытка отчаянная. – Быстрее! – снова закричал лейтенант.

Немцы тоже заметили полуторку. Огонь усилился. Издали ударил пулемет. На дорогу летели сбитые пулями листья.

Лейтенант, как подброшенный пружиной, метнулся к машине. Если грузовик и притормозил, то чисто символически. Любимов с кошачьей ловкостью запрыгнул в кузов. Катрин выпустила последний патрон в сторону немцев. Вставать-выпрямляться под пули тупо и категорично не хотелось. Даже колени не разгибались.

Катрин прыгнула прямо на пролетающий борт. Чертова трехлинейка на плече помешала, девушка чуть не сорвалась. Лейтенант рванул ее за ворот комбинезона. Катрин перевалилась через борт, словно ошеломленная камбала, плюхнулась на дно кузова. Затылок стукнулся обо что-то мягкое. Это оказалась ляжка каким-то образом очутившегося в кузове Сопычева. Ефрейтор лежал, прикрыв голову руками. Катрин обессиленно ткнула его локтем и прохрипела:

– Ты, сука, когда в следующий раз винтовку бросать будешь, не забудь патроны оставить.

– Потом разберемся! – рывкнул стоящий на коленях у заднего борта лейтенант. – Они нам колесо пробили.

Машина шла все еще быстро, но уже неуверенно рыская из стороны в сторону. Водителю стоило большого труда сохранять управление.

Катрин принялась расстегивать подсумки ефрейтора и забирать патроны. Действовала без церемоний, будто обирала труп. Сопычев, впрочем, признаков жизни и вправду не проявлял. Должно быть, уверенно считал себя покойником. Основания у него были: если бы у Катрин имелась свободная секундочка, пожалуй, пристрелила бы козла трусливого.

Лейтенант прав – это потом. Катрин зарядила винтовку и принялась отсоединять дурацкий штык.

– Кажется, нет никого, – сказал Любимов и чихнул. За полуторкой тянулся шлейф пыли. Разлохмаченная покрышка этому грязному и демаскирующему делу весьма способствовала.

Грузовик свернул с дороги. Ложбина, ответвление неглубокого оврага, показалась Николаичу подходящей. Собственно, выбирать было не из чего.

– Сопычев, поможешь с колесом. И смотри... – лейтенант добавил выражение, которое Катрин от воспитанного командира услышать не ожидала.

Она выпрыгнула вслед за Любимовым, они вскарабкались на склон балки и повалились на траву. Дорога пуста. Пока везло. Машина укывляла от места перестрелки не так уж далеко. Оставалось надеяться, что у немцев имеются более важные дела, чем гоняться за отдельными грузовиками.

– Попить бы, – прошептал лейтенант.

– Точно, пива холодненького, – с искренним вождением ответила девушка.

– А вы правда пиво пьете? – поразился Любимов.

– Почему это должно кого-то шокировать? Осуждения пивоварения и пивопотребления со стороны партии вроде бы не было. Или я что-то пропустила?

– Да нет. Я так... Просто странно, что такая девушка, из Москвы... И пиво... Вас на комсомольских собраниях не очень...?

– Во-первых, я на комсомольских собраниях нечасто бываю. Все как-то по командировкам. Во-вторых, времена меняются, а пиво и необходимость делать реальные дела остаются. А в-третьих, ты уже вроде на «ты» перешел. Передумал?

– Да нет, – лейтенант смутился. – Как-то в запарке вышло. Потом, подумал, обидишься. Я, честно говоря, не знаю, какое у тебя звание. На комсомольского работника ты не очень похожа.

– Правда? – не слишком огорчилась Катрин. – Ну, тогда, не вдаваясь в подробности, – сержант я.

– Госбезопасность? – шепотом спросил Любимов.

– Вроде того, но не совсем, – исчерпывающе ответила девушка и глянула вниз. Водитель торопливо ставил запаску. Рядом суетливо копошился Сопычев.

– А ефрейтор-то твой слабоват оказался, – заметила Катрин, опираясь подбородком на теплый приклад винтовки.

Лейтенант фыркнул.

– Какой он мой?! Он вообще оказался не наш, не советский. В часть вернемся, под суд пойдет. Война третий день идет, а он уже винтовку бросает. И откуда такое чучело взялось? Полк позорит.

– Знаешь, он, должно быть, не один такой, – осторожно заметила Катрин. – Фронт длинный, трусов и паникеров хватает.

– Ну что за пессимизм, Катерина? Мы с тобой вон сколько врагов положили. А наш полк? Мы ведь 22-го только начали. Сейчас подготовим контрудар и дадим фашистам жару.

– Ваш полк – это конечно. Только мы с тобой не всех фрицев добили.

Лейтенант тоже услышал треск мотоциклетных двигателей. На гребень дороги выскочили два мотоцикла. Остановились. Рыжий немец поднялся в коляске и принялся обозревать округу в бинокль.

Катрин и лейтенант уткнулись в траву. Девушка туже натянула пилотку на светлые волосы.

– Не заметит, – прошептал Любимов.

– Оттуда – нет. А если ближе подкатят? Следы от колес запросто засечь могут, – пробормотала Катрин, не отрывая взгляда от рыжего немца.

Помоложе будет, а так вылитый Ганс. Только вместо легкого пулемета «Миними» древний автомат. И какой мудака эту войну придумал?

– Отобьемся, – прошептал лейтенант. – Надо было гранат взять.

– И пару танков, – согласилась Катрин. – Если вся шайка, что на поляне была, на нас выкатится, без бронетехники не справимся.

Немец плюхнулся на сиденье, мотоциклы развернулись и укатили за гребень холма.

– Фу, прямо отлегло, – прошептал Любимов, вытирая пот.

– А я думала, пальнешь. Уж очень хорошо фриц стоял. Ну, прямо как в тире.

– Да. Я думал, ты не выдержишь, – засмеялся парень. – Очень задумчивые у тебя глаза стали.

– Не в глазах наша сила. Скорее уж в терпении, – нудно известила Катрин.

– Быстроты у тебя тоже хватает. Как ты тех провокаторов, в комендатуре... Я и оглянуться не успел.

– Лучше бы ты и не оглядывался. Видела я, какое милое впечатление произвела.

– Да это я так, – смутился лейтенант, – от неожиданности. Нас хорошо учили рукопашному бою.

– Знаешь, меня тоже не раз тошнило. Война, если вдуматься, вообще сплошная тошнеловка.

Они замолчали, прислушиваясь. Моторов не слышно. Звенел высоко в небе жаворонок. Солнце припекало плечи и шею. Катрин подумала, что уже трое суток не мылась. Захотелось отодвинуться подальше от парня.

– Ну что, они там закончили? – прошептал Любимов.

– Подождем, как бы на немцев не наткнуться.

Катрин вдыхала запах оружейной смазки и пороховой гари от затвора винтовки, аромат зреющих трав и полевых цветов, смотрела на залитые ярким солнцем поляны и далекие рощицы. Задворки великой империи. Вернее – ее прихожая. Война за войной. Что здесь делают парни вроде лейтенанта? Освобождают или завоевывают землю, жители которой встречают «всяк входящего» цветами и улыбками, а провожают выстрелами в спину? Знатная страна, благородная, древняя. Как в борделе, пропускающая через себя толпы завоевателей, но вечно помнит о своей «незалежности». Тильки дайте волю, и будем плевать на всех, говорить на поэтично-песенном языке и устраивать попсовые, с серпантинном «революции». От то красивэ життя будэ. Оперетка. Галиция – одно слово.

Только люди здесь гибли всерьез.

Катрин скривилась и принялась проверять патроны. Лежать жарко. «Наган», который пришлось за неимением кобуры снова переложить за пазуху, давил грудь.

Из балки выполз Сопычев.

– Поменяли колесо, товарищ командир. Все в порядке. Можно ехать.

Глаза у ефрейтора были честные и преданные, будто у карликового пуделя, нагадившего на подушку.

* * *

Жужжание воздушного боя отдалилось. Майора Васько круговерть в небе больше не интересовала. Советские истребители растрепали строй «Юнкерсов» и теперь горели один за другим в круговерти с «Мессершмиттами». Опыта не хватало. Еще не хватало тактического умения, слетанности и координации звеньев. Это уже не исправить. Да и не умел это делать танкист Васько. Он умел вести свои колонны. Для середины дня результаты были неплохими.

Один «БТ» потерян. И еще две машины. Машины разбиты бомбами. В танке вышел из строя двигатель. Сейчас с него снимали боеприпасы и все нужное-полезное. Механики работали споро. Все отрабатывалось не раз и не два. Дежурные мастерские – «летучки» сновали вдоль колонны. Забитые фильтры двигателей меняли в считанные минуты. Чертова пыль.

Майор глянул на часы. Передовая разведывательно-дозорная группа уже должна выходить к железнодорожному разъезду. Там перекресток с большаком, идущим от Бересте на Львов. Наверняка пробка.

Мотоциклы разведчиков остановились у садика с завалившимся плетнем. Железнодорожный разъезд был невелик: несколько домиков и длинный обветшавший склад. Зато людей на рельсах копошились сотни. Короткий пандус забит машинами. Один эшелон разгружался, другой эшелон торопливо грузили, перебрасывая из машин свежесколотенные ящики. Прицепленные в хвосте плацкартные вагоны уже были заполнены женщинами и детьми семей львовского облОНО. Доставившие эвакуированных людей автобусы не отъезжали, мешая разгрузке тракторов и орудий гаубичного дивизиона. Рев тягачей, мат и крики военных, истерические свистки паровоза смешались воедино с криками и плачем детей, напуганных начавшейся еще в городе стрельбой и суетой.

У мотоциклов разведроты остановился броневомобиль с удлиненной антенной мощной радиостанции. К нему бросился лейтенант-разведчик. Из грузовика выпрыгивали бойцы комендантского взвода. Сзади подходили танки охранения.

Через пять минут головной дозор 64-го полка в буквальном смысле атаковал разъезд. Группы вооруженных бойцов, пробивая дорогу среди бестолково двигающихся и толпящихся красноармейцев и гражданских, направились к паровозу, к конторе начальника станции и к самому переезду. Расчет ручного пулемета занял позицию на крыше склада. Три танка, не щадя заборов и фруктовых деревьев, обогнули разъезд и наглухо перегородили дорогу на Бересто. Несколько регулировщиков с красными флажками, не обращая внимания на толпу и крики, пробились на другую сторону переезда. Сопровождающие их разведчики с еще одним пулеметом залегли на высоте, которую огибала уходящая на северо-восток дорога.

К разъезду подошла прикрывавшая головную колонну батарея ПВО.

Проезд был закрыт: два эшелона, грузовики и автобусы, тяжелые орудия и прицепы, сцепленные с тягачами. Масса растерянных, злых, дезорганизованных людей, которых убедить в чем-то просто невозможно.

Эшелон с эвакуирующимися и с недогруженными платформами тронулся под истошный гудок паровоза. Люди, заставшиеся между поездами, в панике закричали. Кто-то упал, кто-то повис на поручнях, пытаясь запрыгнуть на ходу. Проклятия в адрес машиниста, визг. Под колеса никто не попал, но поразительно, сколько шума могут создать почти две сотни перепуганных женщин и детей. Машинист в столпотворении виноват не был: его, в присутствии начальника эшелона, просто вынудили убрать эшелон подальше от переезда. Угроза оружием старшему по званию в военное время чревата трибуналом. Впрочем, наглые молчаливые бойцы не угрожали, – просто демонстративно держали оружие в боевом положении. Второй, артиллерийский эшелон так просто убрать с переезда не получилось. К паровозу часовые артдивизиона разведчиков-танкистов не подпустили, грозя открыть огонь согласно уставу караульной службы. Зато машины на самом переезде удалось полностью растащить. Применять легкое насилие и угрозы танкисты не стеснялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.